

МАРА ВЕРЕСЕНЬ

КОГДА ЗАЦВЕТЕТ
ТЕРНОВНИК

Мара Вересень

Когда зацветет терновник

«Автор»

2022

Вересень М.

Когда зацветет терновник / М. Вересень — «Автор», 2022

Мы — тинт, бабочки-однодневки, так они нас называют. Мы рождаемся, живем, стареем, умираем, а они — просто есть. Наши миры рядом, но порознь, и не пересекутся, если они сами этого не захотят. Или если мы не нарушим Уложений. Они — долгоживущие, элфие. Но эта история не совсем о них. Эта история о любви, которой не должно было случиться.

© Вересень М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Начало / Калм	5
Часть 1. Гости / Фат'хантен'а	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Часть 2. Новости / Фатаен	15
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	23
Часть 3. Эйт'селеа	25
Глава 1	26
Глава 2	29
Глава 3	32
Часть 4. В пути / Сете'ка'ин	35
Глава 1	36
Глава 2	38
Глава 3	41
Часть 5. Река / Эйсти'мелн	44
Глава 1	45
Глава 2	48
Глава 3	51
Часть 6. Аст'кае / Долг	53
Глава 1	54
Глава 2	56
Часть 7. Райвеллин / Умиротворение	59
Глава 1	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мара Вересень

Когда зацветет терновник

Начало / Калм

1

...но не начало всего

Сначала вздрогнула земля. Впряженная в телегу мышастая лошадь пригнула уши и замерла. Лорка, убаюканная мерным покачиванием, сонно моргнула и с изумлением уставилась на двух Стражей, пронесшихся мимо по самой кромке обрыва вперед, туда, где вдруг раздались крики и грохот скатывающихся камней. Возница, худой остроносый парень, не веско-вый, прибылой из Земель, привстал, чтоб посмотреть, что впереди. Что-то коротко вжикнуло и тюкнулось, глухо и увесисто, как кошка спрыгнула, а худой булькнул горлом и завалился назад, угодив белесой неровно стриженной макушкой прямиком на Лоркины коленки. В уголке глаза торчала тонкая темная стрела с серыми перьями. Еще одна вонзилась над ключицей, наискось проткнув шею под кадыком. Из рта, по щеке, прямо на подол стекала темная густая живица.

Сначала было тихо, а потом девки заголосили разом. Мышастая поддала копытами и рванулась, левая оглобля хрустнула, лопнули натянувшиеся постромки. Правая оглобля осталась целой и, когда дурная скотина, не разбирая дороги, ломанулась прочь, телегу развернуло и едва не опрокинуло на бок. Ор усилился. Лорке тоже очень хотелось. От рывка, ее швырнуло на дно, мертвый возница навалился на нее, придавив ноги и живот. Привязанные к кузову телеги руки тянуло, рядом возились чьи-то ноги в кожаных чунях, и было до одури страшно, потому что она ничего не видела из-вытянутых немеющих рук. Только кусочек блеклого от жары неба. И слышала, как кричали, как грохотало... Снова дрогнуло под телегой, что-то часто застучало. Кузов над Лоркиной головой оброс стрелами, одна воткнулась в грудь лежащего на ней покойника.

Она не выдержала. Взвизгнув, дернулась, стягивающий руки плотный кожаный ремень вдруг подался и лопнул, видно, стрелой перебило, и Лорка, ужом вывернувшись из-под мертвеца, кинулась было к краю кузова. Телега взбрыкнула задом, как давешняя лошадь, Лорка взмахнула руками и с визгом покатила по пыли прямо к обрыву. Заскребла пальцами по камням, цепляясь за редкие купины травы, трещины, камни, за все, что попадалось, наконец, ухватилась за торчащий корень и застыла. На зубах скрипел песок, под коленками было пусто. Лоркины ноги висели над обрывом, под подол задувало.

– Единый Боже, по небу хожен, во миру славен, во гневе ярен, – бормотала Лорка, по пяди вытаскивая себя на дорогу, что есть мочи цепляясь за корявые корни росшего над обрывом дерева.

– Отведи беды, на всякий день и на всякий час, встань с духом нашим духом своим, – продолжала она, когда коленки заскребли по камню.

– От земли к небу, от темени к свету, от сих порогов укажи дорогу до Света чертогов. Слава! – Дрожащими губами завершила, она, прижавшись спиной к узловатому теплому стволу, мазнула пальцами вниз по переносице, кладя «рукоять», а от подбородка слева направо полукругом над грудью «острие» – серп Единого, завершение молитвы.

Руки с ободранными в кровь ладонями и обломанными ногтями дрожали. Лорка подбрала коленки и сжалась в комок. Лошадь, та самая, серая, лежала на дороге и коротко с хри-

¹ Калм – отправная точка, начало.

пом дышала, обломок оглобли впился ей в брюхо. Телеги не было. Валялись камни, от обрыва к дороге раззявился пролом, в расщелине, на самом краю, зацепившись колесом, висела ось.

А вокруг продолжали кричать, и кто-то куда-то бежал, спотыкался и падал. Сыпались с нависающего над дорогой утеса камни. Ржали кони. Дальше по дороге рубились. И звуки эти, злые и острые, как осинные жала, были все ближе, пока почти над самой Лоркиной макушкой не пронесся седой хвост стражей лошади, а потом она увидела круп другой, черной, и вжалась лицом в колени. Забормотала обережную молитву, сбилась.

Подняла глаза. Ратники, Среброликий Страж и его смуглый темноволосый противник, сшиблись почти грудь в грудь. Мечи, узкий и чуть изогнутый, и прямой и темный, сцепились крестовинами. Воин, что сидел на вороной лошади, дернул плечом, мотнулась длинная черная коса, из рукава куртки рыбкой выскользнул кинжал, и тотчас оказался в боку Среброликого. Страж пошатнулся, мечи расцепились, прямой пошел на замах...

Снова дрогнула земля, и сверху посыпалось. Черная лошадь оступилась, попала задними копытами в расщелину и завалилась, увлекая всадника за собой в пропасть. Светлая стражева присела и попятилась. Свалившийся с утеса камень саданул ее по крупу, она скакнула вперед, раненый Страж не удержался, вывалился из седла прямо перед Лоркой, приложившись оземь тем самым боком, в котором между пластинами лат кинжал торчал.

– О, аста ин хашши²! – сквозь зубы прошипел Среброликий, когда из-под пластин плеснуло красным, хотя, какой он Среброликий, маска валялась на дороге вместе со шлемом, гладкие, как шелк, светлые волосы из растрепавшейся косы упали на лицо. Ровное и чистое, словно пыль к нему не липла.

Страж приподнялся, прижимая локоть к раненому боку, и увидел вжавшуюся в дерево Лорку. Нечеловеческие, прозрачно-синие, как вода в ручье в конце сечения³, чуть приподнятые к вискам глаза, глядящие сквозь лежащие на лице пряди, брезгливо прищурились, будто смотрел он не на девку, а на склизня.

– Тинт, – сказал, как плюнул. – Сетенé те миé⁴. – Уголком рта дернул и повторил по-людски. – За мной иди.

Встал, пошатываясь, и рукой дернул, поднимайся, мол, и пошли, глупая девка. Лорка приподнялась, ноги не держали, и она цеплялась пальцами за морщинистую кору. Что-то crackнуло, по земле перед ногами стоящего спиной к обрыву Стража зазмеилась трещина, он рванулся, но отколовшийся камень вывернулся и резко просел вниз. Ноги ухнули в пролом. Воин, падая, бросил тело вперед и вверх, шкрябнул когтистыми навершиями латной перчатки по камням и исчез.

Лорка плюхнулась на живот и, крепко держась за дерево, выглянула над обрывом. Внизу бурлила река, так яро, что водяная пыль долетала до лица. Страж висел, уцепившись за корень, и в глазах его не было ни страха, ни отчаяния, только удивление. Он подтянулся, попытался упереться ногами в стену обрыва, но камни сыпались, а ему, никак не удавалось ухватиться за корень так, чтоб поднять себя повыше. Сухое дерево трещало, и было ясно, что не будь не Среброликом его лат, все бы вышло, но латы были, и неумолимо тянули его вниз. Тогда Лорка, по-паучьи, обеими ногами и рукой, вцепилась в бугры корней, и, свесившись над пропастью, потянулась к Стражу.

Тот думал недолго. Цапнув когтистой перчаткой корень, Среброликий выбросил навстречу лоркиной свою вторую руку, голую, с длинными белыми пальцами, и этими пальцами обхватил девичье запястье, а Лорка, как смогла, вцепилась в ответ. У нее едва пуп не треснул, когда он едва не всем своим весом на руке повис. Но тут не выдержал корень. Лорка

² *Аста ин хашши* – ругательство.

³ Сечень – февраль.

⁴ *Сетенé те миé* – иди за мной; *сетенé* – идти (*сéти* – шаг), *те* – за, *миé* – мой, моя, мое, мое; *здесь* мной.

только успела увидеть, как расширились глаза Стража, и кувыркнулась с обрыва вслед за ним. Она никогда не думала, что падать в воду будет так больно.

Часть 1. Гости / Фат'хантен'а

5

*Воспитай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение.*⁶

Уложения Хранителей.

⁵ *Фат'хантен'а* – гость (*фатае* – новый, неизвестный, *хантен* – дословно принятый родом, *'а* – множественное число)

⁶ *Здесь и далее* эпиграф из книги протопопа Сильвестра «Домострой».

Глава 1

Беда пришла, откуда не ждали.

Раным-рано, едва показалось солнце, а рассветная туманная мокрядь лениво отползала за Дальний овраг, вокруг вески встали конные оружные стражи. Стояли молча. Страшно. Не всхрапывали серые статные кони, не бряцала броня на Сереброликих, только едва видимый по утренней прохладе след дыхания отличал незваных от морока.

* * *

Скотина в хлеву просилась уже с пол-лучины. Лорка глядела во двор, прикусив губу, и поглядывала на отца. Тот сидел на лавке прямой, как палка, посерев лицом. Дверь из кухни в сенцы была открыта настежь, а у двери во двор, в луже поросычье болтушки, валялось на боку ведро. Лорка потеряла ноющую руку. Тайком, под передником, и думала, что теперь вот пол мыть, а отец не со зла. Со страху.

– Не ходи пока. Тут сиди. Малого не пускай.

– А...

– Не ходи. – Тяжело встал и вышел, словно по пуду на каждой ноге нес.

Так тихо (голосающая скотина не в счет) в веске бывало только на тризну. Всем ведомо, что встречать жизнь положено во весь голос, а провожать – молча. С теми, кто ушел, только сердцем говорить – иных слов они не слышат. Только тишина эта была другой. Лорка поняла, едва закрылась за отцом дверь, пустив снаружи сырое утро. То была не тишина – страх, как тот, что смотрел из отцовских глаз, с его застывшего вмиг лица. И мнилось: так сейчас в каждой хате.

– Лорка... – позвал с печи братик, – мне во двор...

– Батюшка не велел выходить.

– Так во двор же... – Томаш поерзал и стал по-тихому сползать на полати смешно шевеля пальцами босых грязноватых ног; опять проказил в тазу с водой и не вымылся, как положено.

– Ведро в углу, коли нейдет, – бросила Лорка и шмыгнула в комнату – там окна на улицу глядят.

Не успела приглядеться, как позади зашуршало.

– Ну? И чего там?

– А ничего! – И когда только подкрасться успел.

– А давай на торжок? – чернявая головенка подлезла под руку. – Небось, там и собрались. – Томаш едва на месте не скакал. Глаза его, большие и круглые, темные, как две вишни, кажется, стали еще круглее, а брови забрались чуть не на середину лба.

– А скотину кто кормить?... – неуверенно начала девушка, ее желание узнать, что происходит, было никак не меньше братниного, только Томашу семь, а ей почти восемнадцать...

– А мы быстренько, – зачем-то звучно зашептал братик. – Задами прошмыгнем. Я там, в плетне, лаз знаю. Бурьян – во! – Руки махнули над макушкой. – За хлевом стежка, собаки натоптали к свальнику торжковому, ну, где калина, там еще, как снег сошел, лису дохлую нашли, думали, бешеная... Идем, а?

– Вот же балабол! – это уже в спину, потому как Томаш тот час припустил к двери, а Лорка – за ним. Глаз, да глаз, за этим пострелом нужен, верно же?

Томаш стремглав промчался по двору и, обогнув огород, скрылся за хлевом. Когда Лорка нагнала брата, тот уже приплясывал по ту сторону плетня. Девушка пролезла следом, а выпрямившись, застыла – шагах в двадцати, на дороге, за которой начиналось поле, неподвижно стояла серая, как туман, лошадь, высокая и тонконогая. Восседающий на ней всадник тоже был недвижим. Стальной нагрудник и наручи, украшенные узором вьющихся шипастых лоз, блестели от росы. Из-за плеча выглядывала крестовина меча. Из-под шлема, похожего на хох-

латую птичью голову, только без клюва, струилась, стекала, лилась замысловатого плетения коса цвета бледного золота. Лицо всадника скрывала серебряная маска.

– Лорка, – Томаш дергал сестру за рукав, – иде-о-о-м... О!

Девушка вспомнила про брата, когда тот повис на руке всем телом, пригибая ее к земле.

– Это еще кто?! – горячо зашептал брат прямо в ухо. – Это из-за них, да?! Это они, да? Елфи?

Усмиряя заполошно забившееся в страхе сердце, Лорка, сквозь просветы в траве (и впрямь выше братниной макушки) разглядела еще нескольких всадников, растянувшихся цепью по огибающей веску дороге.

– В хату, бегом, – Лорка подтолкнула Томаша обратно к лазу, а чтоб не сбежал, крепко прихватила братца за рубаху.

Вернувшись, девушка молча взяла тряпку и, подоткнув подол, принялась убирать с пола разлитую болтушку.

«Сбегали на торжок. Ноги крапивой обстрекали, а новостей – шиш да немножко. Только и прибýtка, что тряские коленки».

Томаш сидел на лавке, подобрав ноги, и тоже помалкивал. Две отжатых тряпки спустя он не выдержал.

– Лорка, это что, елфи, да?

Девушка закончила с полом и села рядом с братом.

– Да, Томаш. Это они, только правильно говорить элфиэ.

Голос, произносящий это «элфиэ» слышался, как наяву.

Когда Томаша еще не было, а мама была, Лорка два года подряд ходила в школу при моельном доме. Там учили грамоте: Уложению Хранителей, счету и литерам, своим и элфи-эн'риэ. Уложение вдальбивал жрец, нудный длинный лысый мужик с дряблой шеей и блеклыми, как у снулой рыбины глазами, а остальному учил весковый грамотей Лексен. Тот был молодой, волос носил длинный и по городской моде вязал на затылке косицу. Учил хорошо, но мог вытянуть поперек спины розгой за баловство или незаученный урок.

Со всей их Выгони, а веска была большая, сорок дворов, ближних Сосенки и Крепи не набиралось и двух дюжин выучей, а уж девок и вовсе можно было по пальцам счесть. К чему девке грамота? Учись хозяйство вести, у печи управляться, шить, да прясть, а замуж пойдешь – за мужем ходить, да деток растить.

– Не елфи, неучи, а элфиэ, что значит «долгоживущие», – вещал грамотей, расхаживая перед тремя рядами парт, время от времени останавливаясь и покачиваясь с носка на пятку. – Вот наш Грин вырастет, поедет в город с отцом на ярмарку, а там, в толчее, тин элле⁷ ногу-то и оттопчет. Как извиняться будешь, Гринька?

Рослый сын лавочника и купца Ермила мучительно краснел, пытаясь выдать чужинские слова. Язык отчаянно сопротивлялся и вместо аст аэн⁸ т'анамиз⁹, тин элле (примите извинения, уважаемый) у него выходило аста энт анами, тиэн илле¹⁰ (возьми змею бледную, сияющее существо). Грамотей кривился, будто у него кто над ухом гвоздем по стеклу возил, в классе хихикали, а кто и в голос смеялся. Гринька краснел еще сильнее, смотрел в пол, получал от Лексена задание и шел к доске, где долго скрипел мелом, выводя непослушные литеры и не мог понять, на кой ему сдались елфские глаголы. Как, впрочем, и большинству сидящих за партами.

* * *

⁷ Тин элле – обращение человека к элфиэ.

⁸ Аст аэн – извините, устойчивое выражение (аст – принять, взять; аэн – прощение).

⁹ Т'анамиз – уважаемый, почтительное обращение к незнакомцу неясного статуса.

¹⁰ Аста энт анами, тиэн илле – дословно возьми змею бледную, сияющее существо; аста – овладеть, возьми (если следом стоит существительное), энт – змея, анами – белый, бледный, светлый до прозрачности, тиэн – сияние, илле – существо.

Лорка никогда эльфов не видела, чтоб вот так близко, а без своих серебряных масок они вообще в землях тинт, так на их языке звались люди, редко появлялись. Девушка покатила слово на языке, как сухую горошину. Тинт. Так звенела струна старой лютни, на которой играла мама. Всегда только одну песню на элфиен'риа. Лорка потом сама ее перевела.

Лютни не стало в тот же день, что и мамы. Отец разбил, чтоб не помнить, как служки из молельни заворачивали маму в серый саван, как тянули «прощание» собравшиеся во дворе весчане, как выносили, как сыпали пеплом дорогу от крыльца к жальнику. Лорка не была ни на погребении, ни на тризне в молельне, нужно было смотреть за новорожденным братом. Руки дрожали, такой он был маленький и тихий. Почти не плакал, хотя другие младенцы, которых Лорке видеть и держать доводилось, орали так, что уши закладывало. Брат не плакал, и Лорка не стала. Она потом, когда никто не видел.

Отец вернулся с тризны, страшный и черный, похожий на беспокойника мертвым застывшим взглядом. Долго стоял посреди комнаты, а потом чужим голосом сказал:

– Кончились твои гульки, дочка, ты теперь тут хозяйка. – Снова помолчал, разглядывая кряхтящий кулек у нее в руках, и спросил: – Как малого назвала?

– Та́эм иллéн¹¹, Томиллен, так мама хотела, – ответила она, замирая и торопливо добавила, – Томаш.

Больше Лорка в школу не ходила. Первое время ей было странно. Постоянно вспоминался класс и стол, за которым она сидела, и Лексен, проверяющий письмо, а особенно кабинет, где у грамотея книжки стояли. Много, во всю стену и на другой немного. Лорке нравилось смотреть, как Лексен книги выбирал. Он шел вдоль полок, и его чересчур тонкие для мужчины пальцы скользили по книжным бокам, будто гладили или здоровались. Потом рука замирала, найдя нужное, и книгу протягивали ей, Лорке. Читать можно было только в кабинете или в классе. Лучше в классе. Там у Лексена не бывало таких странных глаз, как будто в них цвет пропал.

А потом он ей книжку отдал. Не подарил. Так и сказал, что возвращает, что взял. Позже Лорка поняла, что книжка когда-то была мамина.

¹¹ Та́эм иллéн – защитник; та́эм – дом, родина (не путать тайем – дом, строение), иллéн – бессменный страж, вечный хранитель.

Глава 2

Подол испачкался и намок с краю, еще и палец занозила, теперь покраснеет. Надо было вставать и снова мешать болтушку, поросячий визг был слышен даже через закрытую дверь. Корова просилась тоже. Но снова идти наружу, пусть только во двор, было страшно.

– Иди воды натааскай, пока я намешаю.

– Ну, Лорка...

– Отцу скажу...

Брат почесал недавние приключения, осевшие розгой на то место, что под портками прячут, вздохнул и поплелся в сенцы, где долго громыхал пустым ведром. Лязгнула клямка, дверь хлопнула, вынося шум наружу.

– Вииии! – ввинтилось в уши со двора.

Лорка вытащила из печи чугунок с вареной водой, быстро намешала в ведре отрубей, покрывшись, плюхнула туда же остатки недоеденного позавчерашнего супа, прихватила другой рукой подойник и вышла. Наружная дверь была открыта, и в нее уже с интересом заглядывали две усатые кошачьи морды и одна петушиная.

– Вот же, – девушка потеснила нахлебников, петух успел склонуть с краю ведра серый комок болтушки, коты заматались в ногах, добавляя в визг и мычание пронзительный двухголосый мям. Путаясь в котах и поминая Единобо, Лорка добралась до хлева.

Подойник оттягивал руку. Коты орали дурниной, пока девушка не плеснула молока в старую щербатую миску. Ведро с водой стояло на приступке у колодца, а Томаша и след простыл. И гадать не надо, уже на торжок сбег. Напоив корову, процедив молоко и разлив его по крынкам, Лорка снесла пузатые глазурованные посудины на ледник. Брата не было. Она выбралась из погреба, покосилась на хлев. Корову надо было уже давно гнать в стадо, но сегодня никто еще не гнал. Пойти за братом? Лорка сходила за зерном для кур. Птичья клетушка была у самого лаза, и как-то так случилось, что, когда девушка опрокинула принесенное в корытце и открыла дверцу, чтоб куры вышли, ее ноги сами собой оказались по ту сторону плетня.

На дорогу она больше не смотрела. И так знала – эльфий страж на месте и с этого места не двинется. Пригнувшись, юркнула по тропке и не разгибала спины, пока почти носом не уперлась в свальник. Расхлябанная калитка в огороже торжка была приоткрыта. Из щели торчали знакомые портки. Иногда показывалась рука, тянулась и чесывала зудящую кожу под заплаткой.

– Томаш, – зашептала Лорка, – а ну домой!

– Тихо ты, не слышно! – зашипел брат.

Звук отломанной со старой рябины ветки оказалось достаточно. Пострел подскочил и, прикрывая дорогое, вприпрыжку помчался к дому. А Лорка осталась, потому что услышала голос-песню.

– *Аэ тен а́тае'ти ка́ан ллена́е тарм хаеллэ́ даэ́ро'ин*¹².

– По одному от каждого дома возраста лета до конца срока его жизни в наказание, – перевел Лексен.

Редкие его, седеющие на висках волосы, топорщились над ушами, подбородок пробило щетиной, он отчаянно моргал – поднимающееся над ельником солнце слепило глаза – и одергивал криво сидящий кафтан, надетый на исподнюю рубаху, наспех заправленную в штаны. Стоящий в двух пядях от него Сереброликий на Лексена даже не смотрел, но Лорка точно знала,

¹² *Аэ тен а́тае'ти ка́ан ллена́е тарм хаеллэ́ даэ́ро ин*; *аэ* – отличительный признак, единица из множества; *тен* – род или дом (у элфие); *атае'ти* – каждый из, всякий из (*атае* – всякий, каждый; *'ти* – частица со значением принадлежности); *ка́ан ллена́е* – время лета, молодость, примерно с 18 до 40 людских лет; *тарм хаеллэ́* – срок жизни (*тарм* – конец, завершение, *хаеллэ́* – существование, жизнь); *даэ́ро* – возмездие, *'ин* – в, для.

что отвратителен ему и заискивающий Лексенов голос и вид его, да и все прочие люди тоже. А еще, что выдыхает страж медленно не от того, что так ему природой положено, а потому, что воняет. По правде сказать, несло от свальника знатно, Лорка сама морщилась, что уж говорить про пришлого.

Гринька, часто бывающий в городе с отцом по торговым делам, всякий раз, подсаживаясь к Лорке на сиделках, часто рассказывал, про элфие. Мол, бывают они там часто. Ей нравилось слушать, и парень разливался соловьем.

– Одежу носят цветную, яркую в несколько слоев, как девки, и пахнет от них так же, цветами да травой. Косы плетут рядами и камнями всякими и цветными шнурами украшают, а когда и так ходят, тогда со спины точно от плечистой крали не отличишь. Только наши-то с собой мечи не таскают, а у этих завсегда либо меч, либо кинжал. И ходят, как трава речная на дне стелется, вот, как ты, – и Гринька смотрел масляными глазами и лез обниматься. Дурак.

С возрастом сын лавочника растерял что юношеский жирок, что робость, прибавил в росте и сделался завидным женихом. Еще бы, единственный сын. Вон стоит с отцом, брови хмурит. Красивый. Глаза карие с золотой крапинкой, волосы темные волной.

– Иллэн каалн тайем¹³, – меж тем продолжил тин элле. – Атаэ те летт'энраэ'ти таэм кадате тэссэн¹⁴.

– Стражи обыщут жилища. За каждого сбежавшего его дом ответит вдвое, – тут же перевел Лексен.

Собравшиеся загудели. Лорка углядела в толпе отца, пригнулась и поспешила обратно. Надо вернуться раньше и сделать вид, будто и не ходила никуда. Только бы Томаш опять не сбежал.

Братец обнаружился в траве у лаза, наблюдал за неподвижным Среброликим. Лорка, уже не таясь, подошла и цапнула увлекшегося мальчишку за тонкое розоватое чуть оттопыренное ухо.

– Вот точно отцу скажу.

– А не скажешь! – возразил братец, вырываясь и ныряя в лаз.

– С чего бы? – девушка пробралась за ним.

– Будто не понятно! Меня прогнала, а сама уши клеила, – прищурился Томаш. – А я вот знаю, что Стражей приехало две дюжины и два, полторы дюжины вокруг стоят, шесть у старостиного дома отираются, один на торжке. А еще где? А? А? Так скажешь, что было?

– В хату давай, – приказала Лорка, холодея спиной. Это пока она там слушала, брат успел всю веску обежать и посчитать прибывших?

– Скажи, скажи, скажи, – не унимался Томаш, скакал вокруг, дергая то за косу, то за рукав.

– Сказочницу нашел. Вот отец придет, будут тебе сказки, короб, лукошко и еще немножко.

– Ну, Лорка, – снова заканючил он, повис на резном перильце крыльца, болтая в воздухе грязными ногами, рубашка задралась, открывая загорелый с длинной царапиной живот. – А я волшебное слово знаю! Кайлиен'ти Ллориен, аст литэ¹⁵.

Лорка зашикала на брата, в который раз ругая себя за то, что стала учить его грамоте на элфиен'рие. Свои литеры Томаш не очень-то любил, а эти на ходу схватил. И говорил чисто, как мама, когда пела. И голос его был похож на мамин, особенно, если Томаш говорил на языке элфие.

¹³ Иллэн каалн тайем; иллэн – страж, защитник, каалн – поиск, розыск, тайем – дом.

¹⁴ Атаэ те летт'энраэ'ти таэм кадате тэссэн; атаэ – всякий, каждый; летт'энраэ'ти – беглец (леттеа – двигаться; энраэ – страх); кадате тэссэн – двойная выгода (кадате – результат, итог; тэссэн – удвоить, тэс – два).

¹⁵ Кайлиен'ти ... , аст литэ; кайлиен'ти – сестра моя, аст литэ – прошу тебя, устойчивое выражение (такое же, как аст аэн – извини); литэ – ты.

Когда отец услышал, впервые выдрал ее хворостиной и в погребке запер. Томашу тогда четыре было. Братик испугался, цуцыком сидел под дверью в погреб и в щелку сопел, глотая частые слезы. Наревелся тогда и за нее, и за себя. Лорка перестала петь брату мамину песню, а когда тот подрос, показала литеры. Тайком. За что снова была посажена в погреб. Так и жили. Лорка с братом тайком учили буквы и слова, какие Лорка помнила, а отец делал вид, что не знает. А может, смирился. Томашу почти семь, осенью он станет ходить в школу учить Уложения Хранителей, литеры и счет, и постаревший Лексен станет удивляться, откуда он знает слова. А может и не будет, он же сам ее учил.

– Кайлиен’ти Ллориен, аст лите, – нараспев повторял Томаш, прыгая на одной ноге через порожек в сенцы и дальше в хату. – Сестра моя Лориен, прошу тебя.

Лориен, ллоэй риэллэн¹⁶, Предназначенная судьбой.

¹⁶ *Ллоэй риэллэн* – предназначенная судьбой, единственная (*ллоэй* – судьба, *риэллэн* – предназначение).

Часть 2. Новости / Фáтаен

17

Если хотите вы избежать вечной муки, верните несправедно нажитое ограбленным. Уложения Хранителей.

¹⁷ Фáтаен – новость, известие; фáтае – новый, неизвестный.

Глава 1

Когда все разошлись, Дамьян подкараулил старосту Гавра у общинного амбара и молча дал в рыло. Не со зла – Дамьян злым никогда не был, даром что силой Единый не обделил – от обиды. Не крепко, но так, чтоб понял. Староста отлепился от высохшей щепастой стенки, на которой было вдоволь что пыли, что тонкой летней паутины с травяной трухой, отряхнул крепкую крашеную синим рубаху и оттер расквашенный нос рукой.

– Ты, это... За что?

– А то не знаешь?

– Так сам же решил, никто в спину не пихал.

– Не пихал, – подтвердил Дамьян и руки за опояску сунул, чтоб искуса еще раз стукнуть не было, хотя кулак чесался, – да только я просил надзорщика елфского связать и так оставить, а вы, навьи дети, прирезали. За своих земельных они бы ничего не сделали, чай робы¹⁸ у них, что мухи, помрут – не заметят, а за своего душу вынут.

– Так не возьмут ничего, людей только. Один из рода, не старый.

– Из рода один, говоришь? – опояска затрещала, и староста опасливо отодвинулся. – У тебя в роду сколько? Три семьи кровных и прижилых еще, а в моем? Дочка да сын голопятый? Самому идти? А, Гавр? Что молчишь? Как «за зерном» ехать, так соловьем пел.

– Не возьмут тебя, старый ты им, сказано же, возраста лета и до конца срока его, а ты, того, не летний, в самую осень уже. Вон, дочку пошли, она у тебя смазливая, пристроится. Все одно не возьмет ее тут никто.

– Это почему?

– Так мамка порченой крови была, с елфами мешаной. И дите такое же. Или, думал, не знал никто?

Опояска треснула, хрустнул старостин уже однажды ломаный и оттого кривой нос.

* * *

Корову Лорка сама повела, а Томаша посадила лучину щепить, и чтоб пока плетенку не наполнит, с места не вставал. А на обратном пути на Гриньку наткнулась. По щегольскому виду и накрученной на палец измочаленной травине поняла, что нарочно поджидал и давно. До дома оставалось всего ничего, можно было через неогороженный общинный сад прошмыгнуть, но купцов сынок ее уже заметил. От яблони отлепился и навстречу пошел. Улыбается. Рубаха нарядная желтая с красной вышивкой... Сердце екнуло.

Лорка всегда мамину руку в шитье узнавала, хотя та вышивала редко, больше кружево плела. А кружевницей она была знатной. Заказы брала из города, для барышень. Одна такая даже сама приезжала. С двумя охоронцами. Да не в повозке, а верхом, в платье эльфийском, и волосы так же плела – в косы, с цветами и камнями. Денег сулила много, чтоб мама к ней в работницы шла, и ей одной только плела и жила там же, в городе. Так вот семьей и взяла бы. Лорке тогда сразу замечталось про библиотеку, про которую Лексен говорил, что книжек там тьма всяких, целый дом с храм размером, а то и больше. Отец отказал. Ему, охотнику, что в городе делать? А книжки Лорка любила. У нее была одна на элфиен'риа.

После маминой смерти тяжело стало, отец книжку и продал. И то кружево, что мама для нее, для Лорки, на свадебный покров плела. Мамины кружева дорого стоили.

Отец после тризны едва не запил. Из дома в лес уходил на весь день, возвращался ополночь, под навьи песни, без добычи совсем, а Лорка все одна и одна, Томаш только в люльке. Сначала вдовья тетка Юна приходила, как раньше, когда мама была. Мама по дому мало что делала, ей руки портить нельзя было. Отец Юне платил. Тетка приходила с двойняшками и

¹⁸ Роб – слуга-невольник, раб.

все-все делала и Лорку поучала. А как платить нечем стало, так больше и не ходила. Иногда только, когда Лорка еще совсем ничего про детей не знала. Теперь знает. Книжку все равно было жалче, чем кружево.

На то девятидневье, в четверик, отец поехал в город за зерном. Вернулся странный, без зерна, и книжку привез, такую же, как была, только новую совсем, она еще красками пахла. Лорка ее только два раза всего доставала.

– Лорка, – заговорил Гринь, – смотри, что дам? Марципан. – И сунул ей в руку шуршащий кулечек. – На сиделки в осьмицу придешь? Ждать буду.

Лорка потупилась. Угощение-то, считай, взяла. А и все равно пойти собиралась. Отец отпустит, всегда пускает.

– За гостинец спасибо. Пойду, – ответила она, чуть отступая. – И на сиделки пойду. И сейчас пойду тоже, работы много.

Гринь снова заулыбался, будто ему сребник посулили, и за ленту в косе цапнул.

– Пусти, – попросилась Лорка. – Пора мне.

– Красивая ты, у меня в груди жмет, как вижу, – Гринь вдруг сделался серьезным, а Лорка смотрела на его губы, которые были аккурат напротив ее собственных. Поцелует еще, как потом? – Ты мне вот что скажи. Если отец свата в листопад пришлет, пойдешь за меня?

Лорка вспыхнула, выдернула косу и бросилась прочь.

– Так пойдешь? – крикнул ей вдогонку парень.

– А вот пусть пришлет сразу! – звонко отозвалась она в ответ, оборачиваясь, и увидела, как купцов наследник сияет.

– Ты чего такая? – удивленно вскинулся Томаш, отрываясь от работы и интересом разглядывая румяную, как яблоко, сестрицу. – Будто тебя замуж позвали!

Лорка поспешно приложила ладони к щекам, но те занялись еще пуще. Пришлось к умывальнику бежать и долго плескать в лицо водой.

– Что, правда? – вытаращился Томаш. – А кто?

И тут он разглядел гостинец, который Лорка на лавке бросила.

– Это Гринь, что ли? Вот дурная!

– Уши целые? Мешаются? – обидевшись, спросила она братца, вытирая унявшиеся щеки.

– А что уши сразу! Половина вески знает, что Ермил еще той весной с Гавром об заклад побились, что старостина Цвета за Гриньку пойдет, – тараторил Томаш. Он уже запустил пальцы в кулек и радостно пихал сладости за щеку, как хомяк.

– А вдруг нет? – Лорке стало обидно, она не хуже Цветы, и коса длиннее и вообще!

– А вдруг да!

В сенцах лязгнуло. Томаш спрятал кулек за пазуху, и нырнул за печь, откуда появился с новым смолистым чурбачком для лучины. Лорка натянула передник и полезла в печь за кашей. Отец, это был он, утром так и не поел. «Может от того и злой, – подумалось Лорке. – Интересно, скажет, что на торжке было?»

Глава 2

Отец так и не сказал. Поел и так же молча во двор пошел, в свою сарайку, где он шкурами занимался. Что он себе думал, не понятно.

Томаш закончил с заданием и стал проситься гулять, хитро блестя глазами. Лорка всегда удивлялась, как ему удавалось все весковые новости собирать.

– А огород полоть? Опять мне одной?

– Ну, Лорка, – заныл тот, потом за пазуху полез и вернул кулек с Гриневым гостинцем.

Моргнуть не успела, а брата и след простыл. Лорка сунула пальцы в кулек – там сиротливо лежала одна конфетка. Сладкая. А от Гриня всегда медом пахнет. От других парней телом или мылом, а от Гриня – медом. Дурак. Зачем про свата говорил, если у них с Цветой все сговорено.

Вымыв тарелки и начистив картошки на ужин, Лорка отправилась полоть. Сегодня не жарко, можно и днем, и комарья нет.

Она разогнулась. Морковка тянулась аккуратными зелеными рядками, в бороздах подсыхала вырванная сорная трава. Хорошо. Высоко в небе пел жаворонок, бродили по двору куры, чем-то стучал в сарайке отец. Девушка подумывала пройтись еще по огурцам, да не успела.

– Эй, Лорка! – братец сидел под кустом смородины, лопал черные, крупные, но еще кисловатые ягоды, извозив красным соком губы и подбородок, потому как сначала в жменю рвал, а потом все сорванное в рот закидывал. Вот проглот! И когда только пролезть сюда успел!

– Да Лорка же! Чего скажу-у-у! – Прищурился и залыбился во весь рот. Зубы и язык были синие от потемневшего сока.

– Ну?

Томаш выбрался из-под куста и, отряхивая колени от налипшего сора, направился к калитке. Лорка за ним.

– А пойдем на речку!

– А сказать?

– А там и скажу!

«Можно и на речку, – подумала она, – все равно надо».

Пол-лучины спустя они уже шли по тропке за садом. Ну, как, шли, она, Лорка, шла, а Томаш ускакал вперед. Он уже набрал паданцев и набил яблочной мякотью рот, нет бы, кашу поел, пока она собирала в корзину горшочек мылом и ношенные рубашки.

Сейчас спуститься в неглубокий светлый овражек, а за ним речка. Пока Лорка дошла до мостков, братец уже успел пошуршать по камышам, потрогать пяткой воду с мостков, раздаться до исподнего и радостно плюхнуться, поднимая тучу брызг.

– Томаш! – выкрикнула она, но вряд ли увлеченный купанием брат ее слышал, зато воды набаламутил знатно. Как теперь стирать?

Переждав первый мальчишечий азарт, сидя на мостках и опустив ноги в теплую желтоватую воду, Лорка взялась за стирку и две лучины терла и мяла полотняные рубашки. Вдоволь накупавшись, Томаш пристроился рядом. Взялся полоскать. Больше проказил, чем помогал, но дело пошло быстрее.

– Чего с ребятами на косу не пошел?

– Ну их, – дернул загорелым худым плечом брат и с удвоенной силой зашлепал рубашкой по воде.

– А что сказать-то хотел.

Брат тут же оживился, забыл детские горести и едва не упустил отцовскую рубашку, тонкую, еще мама шила и вышивала по вороту узором из лозы. Поймал за рукав, отжал и в корзинку к чистым сложил. Последняя.

– Я знаю, зачем элфы... элфие к нам приехали.

– Где слышал?

– Не слышал, знаю. Ну, подумал. Помнишь, на позато девятидневье, когда папка еще в город ездил, обоз из Земель разорили?

– Какой еще обоз?

– Да елфский же, говорю же, из Земель! Я Ваской и Спасом у корчмы в камушки играл. А жарко было, вот дядька Илий дверь и открыл. А там проезжие сидели с краю, один потом пива напился и в бурьяне спал, с мечами, и лук у одного был, чуть не с меня ростом! А! Ну да! Так они говорили, что кто-то обоз разорил, и обозники все мертвые, и элфие, что надзирающим ехал, тоже. И что дурной смертью убили, сетью связали и закололи.

Томаш замолчал, а потом зашелся смехом и, хватаясь за живот, завалился на спину, подпрыгивая ногами с белесыми, размякшими от воды пальцами.

– Чтоб тебя навий схватил, балда!

– Ой, не могу, – не унимался брат, – ты б себя видела! Рот открыла, глаза плошками и руки к груди прижала, точь-в-точь как Цветка-дурында, когда Гринь по улице идет. Аха-ха!

В Лоркиных действительно прижатых к груди руках была нонешняя Томашева рубашка, которую она тоже прополоскала, и этой самой рубашкой, отжатой от воды, но все еще влажной, Томаш по дрыгающимся пяткам и получил.

– Ой! Не дерись! – Брат сидел спокойно, но губы его, все еще темные в уголках от смородины, то и дело разъезжались. – Если Гринь тебе опять гостинчик принесет, дашь?

– А ты вот пошути еще и узнаешь. А про обоз не врешь?

– Не вру. Мне еще про то пасечникова Викта говорила. Дядька Виток на ярмарке в тот восьмерик был и ее с собой брал, так она слышала, как он с другими весчанами, кому в нашу сторону в вечер обратно ехать, договаривался, чтоб не одному, а то, мол, будет, как с обозом елфым. – Вдохнул, сел на край и ноги в воду бултыхнул. – А что на торжке говорили?

– Что людей заберут. Наказание такое.

– Думаешь, из наших кто? – оторопело спросил Томаш.

Лорка пожала плечами.

– Думаю, – сказала она, – никто и разбираться не станет. Но за беглецов вдвойне спросят.

– А хочешь, и ты купаться сходи, пока нет никого, там дальше есть пяточка без камыша и песок на дне. А я тут посижу, посвищу если что.

Было уже жарковато, да еще бельем намахалась. Сорочка липла к спине и ко всему прочему тоже, поэтому Лорка долго раздумывать не стала. В камышах нашлась едва заметная тропка. Она бы сама не нашла, если бы Томаш не показал. Тропка вывела к пяточке, по-другому и не назовешь, – желтый песчаный язык скатывался с пологого, поросшего мягкой травой берега и уходил под воду. С обеих сторон по берегу место скрывал камыш, а травяную полянку обступали ивы. У берега трава была короткой и мягкой, ближе к деревьям вздымались метелки тростника. Лорка сдернула опояску, быстро стянула сарафан и в одной сорочке вошла в воду по грудь и замерла, поводя руками.

Руки в воде казались тоньше, как не ее. Коса намочла и оттягивала голову. Тонкое белое полотно прилипло к телу, и Лорка присела. Ей от чего-то стало стыдно видеть себя, сквозь сделавшийся прозрачным от воды лен, округлую грудь с розовыми сосками, живот... В бане не стыдно, а тут вот... Течение колыхало подол сорочки, неспешно оборачивая его вокруг ног. Вода касалась ее везде, гладила. Сделалось маотно, будто кто на нее, Лорку, глядел, вот как Гринь на сиделках перед тем, как обниматься лезть.

Она макнулась с макушкой. Разогретый на солнце затылок заохлодило, вода освежила лицо, вымывая из головы запретное. Сразу сделалось легче. Лорка приподнялась, изловила тянущуюся по течению косу и пошла к берегу. Там, уже стоя босыми ногами на траве, где скинула сарафан и опояску, собрала низ сорочки повыше и отжала. Надо бы и всю, но в камыш

лезть не хотелось, там топко, и девушка пошла к ивам. Низкие густые ветки, что ширма, никто и не заметит, хоть рядом стой. Вот и она не заметила.

Рядом. Хоть он и не стоял, лежал, в высокой траве, опершись спиной на сложенный доспех, укрытый поверху расшитым плащом и еще какой-то одеждой, потому как на нем самом осталась только рубашка и штаны. Светлая коса, не то белая, не то золотая, так странно откликлось в волосах солнце, вилась по траве змеей. Серебряной маски, скрывающей лицо, не было, и на Лорку смотрели из-под темных бровей нечеловеческие глаза, не то синие, не то зеленые, прозрачные, как вода зимой, и такие же, как эта вода, холодные.

Глава 3

Кожа покрылась цыпками. Так стыло сделалось от этих глаз. И оторопь взяла – Стражи никогда лиц на людях не кажут, для них прилюдно маску снять, что голышом пройти. И тут Лорка сообразила, что сама стоит в мокрой сорочке с задраным выше колен подолом, а на нее мужчина смотрит, хоть и элфие. Она пискнула, выпустила подол и прикрыла грудь руками. Лицу было жарко, и ушам, и...

Элфие привстал и на локоть оперся, черная, будто угольком нарисованная бровь приподнялась, и в глазах прибавилось прозелени, от чего они сразу сделались теплее. А еще стали до странного на Гриневы похожи, когда тот ее на сиделки звал. Рубашка, расстегнутая до пупка, обнажала плоский мускулистый живот и гладкую безволосую грудь с чистой, словно сияющей кожей.

– Сийт ми кáно¹⁹, – голос-песня, тот же, что говорил торжке, хотя с чем ей сравнивать, других элфие она не слыхала, а Лексен, хоть и произносил слова на элфиен'риа чисто, почти вот как этот Страж, голосом таким, от которого внутри все струной дрожало, похвастать не мог. – Инмэ каллэ кáнае'сиэл?²⁰

Лорка даже рот приоткрыла от возмущения. Нравится ему! Хочет, чтоб она с ним... Вот бесстыжий какой! Как можно честной девушке такое предлагать! Муж с женой днем так говорить не станет, а этот – девке незнакомой, пусть бы и в одной сорочке.

– Сетене ми, – приказал элфие, а потом по-людски повторил, – Подойди. – И встал, одним текучим движением, будто костей и вовсе нет, пальцы большие за пояс сунул и лыбится, глаза совсем в зелень, как лист молодой, штаны узкие, такие, что почти срам видно. И не жмет ему нигде! Лорка поспешно взгляд отвела, но успела заметить, как заинтересованная улыбка превратилась в препрохабную. Захотелось похватать одежду и бегом бежать. А этот будто того и ждет, потому Лорка быстренько сарафан на непросохшую сорочку натянула и попятилась.

– Что, уже передумала? – человечьи слова он произносил странно, звонко и чисто, не по-людски.

И тут ее словно кто за язык дернул.

– Лите ми кано'инне²¹, тин элле, – выпалила она и юркнула в камыши, где пряталась тропинка. А что? Правду сказала же, не нравится он ей, хоть бы и красивый, как картинка.

Мгновение тишины и вслед зазвенел смех, странным образом вплетаясь, что в птичьи песни, что в шелест камыша над Лоркиной головой, что в едва слышный шепот речной воды. А на полпути, Лорка поняла, что любимая, плетеная в десять рядов по маминому узору опояска из красных и белых нитей, осталась лежать в траве.

Брат обнаружился не доходя до мостков, в зарослях камыша и осоки. Он стоял по колено в воде и что-то увлеченно рассматривал, одна из штанин, которые он подвернул, перед тем как в воду лезть, раскрутилась и намокла.

– От такой охраны пол-избы вынесут и за второй вернутся. Свистун.

– Тихо ты, гляди вон! – и пальцем ткнул.

Серая лошадь стояла неподвижно, расплескав гриву по воде, но ушами на звук дернула и вроде даже глянула искоса.

– Сражева лошадь, видала! Значит, и Среброликий тут где-то, – зычным шепотом сказал Томаш, – потому и не свистел.

¹⁹ *Сийт ми кáно* – мне нравится (*сийт ми* – передо мной, перед моими глазами, *кано* – нравится, интересно; *ми* – мне).

²⁰ *Инмэ каллэ кáнае'сиэл?* – Предлагаешь стать твоим первым мужчиной? (*Инмэ* – предложение, *калле* – начать, *кáнае'сиэл* – дословно обучение чувственности, устойчивое выражение, обозначающее первую близость.)

²¹ *Лите ми кано'инне* – ты мне не нравишься (*инне* – не, отрицание).

Лорка промолчала. Уж она-то точно знает, что он тут. Вернее, там.

– Идем, – сказала она, вытаскивая ленту из косы и повязывая сарафан под грудью, чтоб не идти в веску распустехой, а мокрая коса и так не расплетется.

– Белье где?

– Там, – Томаш махнул рукой в сторону мостков, продолжая разглядывать эльфийскую лошадь.

Лорка вздохнула и пошла дальше по тропке. Корзинка со стиранным стояла в тени. От вески к мосткам спускались девки с такими же, как у Лорки, корзинками. Смеялись. Цвета старостина и две дочки бондаря Става, погодки, рыжие и в веснушках. Сзади завожился Томаш, поднял корзинку и Лорке в руки сунул.

– Держи, ленту спрячь, а то углядят, что опояски нет, засмеют. А то и сплетню пустят. На пятачке оставила? Сбегать?

– Не надо, домой идем.

– Лорка, ты тут! – первой заговорила Цвета, – А вас отец искал.

У Цветы в черной косе была новая лента, алая с золотом, с чужим узором, люди такой не плетут, и статная старостина дочка все время косу рукой поправляла и ленту оглаживала. Она красивая была, Цвета, высокая, яркая, губы алые, большие синие глаза. Знала, что красива, вот и не сомневался никто.

– Идем же, – братик дернул за руку.

Пошли к веске. Шагов через пяток Лорка оглянулась, будто ей в спину камень бросили. Стася с Галёной смотрели в след, переговаривались и хихикали. Цвета просто смотрела, словно знала про нее что-то злое и радовалась.

– И чего надулась? Дуры они, – попробовал утешить сестру Томаш, но та только плечом дернула. Подсыхающая сорочка неприятно стягивала кожу, поочередно вспоминались то наглые глаза бесстыжего элфие, то тяжелый Цветин взгляд. А еще слова, что на торжке слышала, из которых выходило, что из каждого рода с прибывшими уйдет один человек, не старый, но и не ребенок. Отец уже почти в осени, Томаш мал, а ей только в следующее девятидневье, на третейник, восемнадцать будет. И как быть? Если отца возьмут, как они с Томашем тогда? А как не отцу, а ей выпадет? И холодно становилось и страшно, потому что сказали, тарм хаелле, значит, до конца жизни, навсегда.

Вот уже и сад. Томаш снова яблоки ел. Еще живот прихватит, возись с ним потом, но Лорка смолчала. Тягучие мысли возились в голове по кругу снова и снова, и было жаль оставленную у реки опояску.

У плетня за садом стоял отец.

– Эльфы сказки, что привез, где? – спросил он.

– В сундуке, под исподним, – сказала Лорка и глаза опустила. Опять отберет?

Отец развернулся и быстро пошел к дому, пришлось едва не бежать, чтоб следом успеть, – шаг у охотника был широкий. Но они только-только во двор ступили, и к калитке подошли два Стража. В доспехах и масках, как и в Уложении писано: всякому стражу надлежит безликому быть ибо закон и возмездие лика не имеют.

Глава 4

Лорка влетела в хату, бросив корзину с бельем в сенцах. Юркнула в комнату, где отгороженные навесной ширмой стояли две кровати, ее и Томаша. Была в комнате еще одна, родителей, но как мамы не стало, отец на печь перебрался и в комнату почти не ходил. Было за ширмой два сундука. В одном Лоркино приданое лежало и одежда нарядная к праздникам, в другом – нижние рубашки и прочее всякое, и Томаша нательное тут было, пока дите еще. Книжка была под братниными одежками, но Лорка про книжку не вспомнила. Переоделась быстро и косу переплела. Наспех кривовато вышло, да и пусть.

Когда Страж вошел, она уже ждала у порога с ковшиком холодной воды и чистым полотенцем.

Обе двери, что в сенцы, что в хату, были нараспашку, и Лорка видела замершего у крыльца отца и стоящего рядом Томаша. Глаза у брата были круглые, что сливы, и брови задрались, так ему любопытно было. Хорошо, рот не открыл.

– Войди, тин элле, будь гостем сейчас и другом после²², – сказала Лорка на элфиен'рие и ковшиком протянула. Страж, забывшись, куда и зачем пришел, взял, маску приподнял, губами к краю приложился и замер, потрясенный, но уже успевший коснуться поднесенной воды, а потому предостережение, прозвучавшее сзади, опоздало. Теперь он не мог причинить вреда роду, принявшему его в своем доме, ни словом, ни делом.

– Кто тебя научил это сказать! – серебро смотрело на Лорку черными провалами, когтистая латная перчатка сгребла за ворот и приподняла над полом. Это тот, другой, что шел следом. Маска глушила звуки, и голос элфие звучал почти, как человеческий. Почти, потому что все внутри онемело, и затылку было холодно, словно в Лоркиной голове копошился кто-то склизкий.

– Отвечай, – и встряхнул. Высокий, плечи широкие. Лорка против него, как мышь была. Она моргнула и попыталась ответить, только из сдавленного воротом горла один сип вышел. Тогда ее отпустили.

Лорка покосилась на первого, того, который воду из ее рук взял. Элфие застыл у распахнутой двери и руку вытянутой держал поперек входа. В сенцах стоял отец с белым лицом, кулаки его были сжаты и вены на шее вздулись, ярился, а поделать ничего не мог.

– Говори, – велел, словно в прорубь макнул, высокий.

– Никто, – пискнула Лорка, – сама.

Но Стражу уже было все равно. Он окинул взглядом хату, и, хоть маска на нем была, Лорке показалось, что элфие поморщился брезгливо. Оглянулся на другого Среброликого и что-то зло сказал. Лорка таких слов не знала.

– Выйди, – сказал он, и она юркнула к двери, прошмыгнула под рукой и прижалась к отцу.

Тот выдохнул и будто обмяк, тяжелая ладонь прошлась по макушке:

– Во двор иди, к малому.

Лорка кивнула, а выходя, оглянулась и увидела, как второй Страж, опять говоря непонятные слова, – ругался, наверное, – открыл дверь в комнату пинком ноги. Потом она уже была на крыльце, и в юбку клещом вцепился Томаш.

За изгородью стояли. Свои, весковые. Лорка узнала тетку Юну, бондарь и его рыжие дочки тоже были, и Цвета, и Гринь с двумя друзьями. Можно подумать, тут скоморохи приехали... Еще бы семки лузгать начали... А бабка Лилья, вредная и злоязыкая, как раз и лузгает.

²² Войди, ... будь гостем сейчас и другом после – *Сетене'ин*, ... , *лле'эйт фат'хаитен лле'кае хантае́н* – традиционное приветствие элфие для того, кто переступает порог дома впервые; *лле'эйт* – быть (*лле* – существование, *эйт* – сейчас), *фат'хантен* – гость (*фатае* – новый, неизвестный, *хантен* – дословно принятый родом), *хантае́н* – друг.

– Лорка, что там? – шепотом спросил Томаш, он испуганно прижался к боку, а одним глазом все одно через раз в хату зыркал, но в сенцах отец стоял, и видно ничего не было. Только слышно.

Страж не деликатничал, переворачивая лавки и в сундуках роясь, что-то падало, звенело и раскатывалось, и будто разбилось что-то. Будет потом работы порядок наводить. Затем все стихло. Странная то была тишина. Будто только для нее, Томаша, отца и Стражей, что в доме были.

Первым вышел отец и встал рядом. Лорка потянулась, не глядя, и взяла его за краешек рубахи, страшно было и хотелось к кому-то большому и сильному припасть, вот как Томаш к ней. Но она не стала.

Затем вышли Стражи. У того, что Лорку хватал, в руках была книжка.

Обложка была из мягкой кожи, а по ней вились тисненные золотом лозы и эльфийские литеры. Книжка звалась «Эльвиён Элефй Халлэ» – «Песни Детей Весны». На каждой странице была цветная картинка, яркая, в витой рамке. Новая история, или стих, или баллада начинались с большой алой с золотом буквицы, отрисованной так тщательно, что можно было лучину только буквицу эту разглядывать. Лорка книжку прочла всю, еще ту, старую. Она не сказала бы, сколько раз, но много, потому что многое помнила на память. Про то, как у элфие принято гостей встречать, там тоже было.

– Каан даэро²³, – сказал Страж, и слова льдинками раскатились по двору. – Вина доказана. Прими, что должно.

Отец выпростал рубаху из Лоркиной руки и вышагнул вперед.

– Сколько тебе полных лет? – спросил Среброликий, книгу он сунул тому, первому.

Отец подобрался, Лорка поняла, что правду он не скажет, назовет время в край лета, хотя было Дамьяну уже четыре дюжины. Толкнулось сердце в груди: она сейчас будто на развилке стояла и выбрать нужно...

– Лет'инне, тин элле, аста ми²⁴. Меня возьми.

– Берешь его вину? – произнес Страж и подошел так близко, что Лорка почуяла его запах, сладкий и терпкий, как гвоздика. Когда он ее за шиворот хватал, было не до запахов, а тут вдруг. На груди, поверх серебристых с тонким орнаментом лат, лежала коса странного цвета, будто темное золото, но выцвело, а волосах нитка черная вплетена.

– Беру, – сказала Лорка, глядя на эту косу.

– Лорка, – выдохнул Томаш, а отец просто смотрел, и его глаза стали мертвыми, как тогда, когда мамы не стало.

– Виён айтэ. Слово сказано, – уронил из-под маски Среброликий, текуче развернулся и пошел со двора.

Другой Страж отправился следом, но прежде, чем выйти, обернулся:

– Завтра, час после рассвета. За тобой придут.

И уже только потом Лорка снова стала слышать людей за изгородью и даже лица их различать. Гринь теперь стоял один и ближе, и его лицо было похоже на отцово, такое же неподвижное, будто мертвое.

²³ *Каан даэро* – время возмездия.

²⁴ *Лет'инне, ... аста ми* – Стой, ... возьми меня.

Часть 3. Эйт'селеа

25

/ Прихоть

Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его. Уложения Хранителей.

²⁵ Эйт'селеа – прихоть (эйт – сейчас, селеа – желание).

Глава 1

Срок пребывания в землях тинт, назначенный отцом, подходил к концу, что несказанно радовало. Больше не будет душного города, словно в насмешку названного Ллоэтинэ, Воздушный, или Ллотин, как здесь говорили, бесконечной грязи и вони, суеты, скуки, заискивающих липких взглядов, жадного любопытства и тщательно скрываемой зависти, злобы, алчности. И дурных мутных снов из-за блокирующей магию амулета, который приходилось носить, не снимая. За время, проведенное здесь, браслет почти вплавился в кожу предплечья, и ажурное серебро смотрелось рисунком.

Таэрен'тиэнле'аше тен'Тьерт²⁶, стоял у распахнутого окна и уже около часа наблюдал за площадью, а точнее, за птицами у фонтана. Полупрозрачная занавесь чуть заметно подрагивала, поддаваясь легкому утреннему ветру, и иногда касалась обнаженной груди тиэнле. На нем были только легкие шелковые таш²⁷. Неубранные волосы свободно спадали по спине почти до колен. Он встал до рассвета, как обычно, чтобы полюбоваться на розовеющую кромку неба и поприветствовать рождение нового дня, но уединение было нарушено отвратительно громким стуком в двери его покоев. Так тяжело и шумно двигался только Верей, эльфар, полукровка. От отца элфиэ ему досталась долгая, по сравнению с чистокровными тинт, жизнь, рост и стремительность, но он был по-людски беспокоен, многословен и груб. И он был наставником, ката²⁸. Больше всего Таэрена раздражало, что ему приходилось подчиняться тому, кто гораздо ниже его по крови, однако Верей являлся одним из советников отца, его ан'халте²⁹ и это меняло если не все, то многое.

– Что ты хочешь? – не оборачиваясь, спросил Таэрен, когда ката вошел в спальню, произнес традиционное приветствие и поклонился. Младшему наследнику Земель Элефи Халле не нужно было видеть, чтобы знать, что поклон выполнен, как должно. – Разве у нас есть какие-то утренние дела?

– Кое-что случилось, тиэнле. Мне нужно будет отлучиться.

– Ты как всегда весьма информативен...

– На караван напали, наблюдатель погиб.

– Как? – ему еще не было любопытно, но уже почти.

– Зачарованная сеть, тиэнле, и нож. Кровь пролита. Я должен быть на месте через час. Это недалеко от города. Если собираетесь выйти, я оставлю вам четверых Стражей. Остальных возьму с собой. Если поиск сработает, я не стану возвращаться в город.

– Можно подумать, здесь есть куда выходить, – неспешно произнес Таэрен, продолжая разглядывать купающихся в фонтане птиц. – Что значит «если сработает»?

– Нападение произошло вчера вечером, убитых обнаружили два часа назад. Я спешу, тиэнле.

– Мне не нужны Стражи здесь.

– Вы останетесь у себя?

– Нет, я поеду с тобой, – Таэрен обернулся, по его лицу скользнула заинтересованная улыбка, глаза оставались почти такими же бесстрастными, но зеленые искры уже водили хоро-вод по краю зрачка.

– Светоч запретил вам ввязываться в авантюры.

²⁶ Таэрен'тиэнле'аше тен'Тьерт – Таэрен, младший наследник дома Терновника; тиэнле – наследник (от тиэн – сияние), аше – младший (не путать с аше – молодой), тьерт – терн, терновник.

²⁷ Таш – одежда для сна из тонкой ткани, брюки у мужчин или длинная сорочка у женщин.

²⁸ Ката – ментор, наставник, сопровождающий для тиэнле возраста весны (до 200 лет) за пределами Земель, назначается главой дома. Формально, ката подчинялся наследнику, но мог в любой момент что-либо запретить или назначить наказание.

²⁹ Ан'халте – приближенный (ане – рядом, халт – соратник, помощник).

– Отец далеко, а мне невыносимо скучно. Я возьму облачение одного из Стражей. Мне нужно полчаса, – и, опережая ката, добавил: – Не беспокойся, я устрою так, что мы доберемся вовремя.

– Ваша воля, тиэнле, – сказал Верей и безукоризненно поклонился: спина прямая, плечи развернуты, голова чуть склонена. Скользнула со спины коса цвета меда с вплетенным в волосы траурным шнуром. Выпрямился, развернулся на пятках и ушел, гроыхая каблуками.

Со стороны алькова раздался легкий шорох. Тоненькая стройная тинт с большими карими, как у олененка, глазами и смешными кудрявыми волосами замерла рядом с ложем. Маленький пухлый ротик, похожий на едва распустившийся розовый бутон, приоткрыт, пышная для такого изящного создания округлая грудь мерно вздымается в такт дыханию. Полупрозрачная таш цвета вереска хоть и доходила тинт до щиколоток, почти ничего не скрывала. Тиэнле иногда, но все же признавал, что даже среди смертных встречаются красивые женщины, жаль, эта красота была еще менее долговечна, чем их срок жизни.

– Ступай к себе, – велел Таэрен, хотя тело недвусмысленно намекало, что девушка могла бы и задержаться. Но тиэнле был хозяином своих слов, и поэтому у него было полчаса, чтобы привести себя в достойный вид, даже если этот вид будет скрыт облачением Стража.

Большую часть времени отнял возня с волосами. Но здесь тиэнле сам был виноват. Служанки, пришедшие, едва наложница выскользнула из его комнат, принялись плести его обычную косу из девяти прядей с двумя серебряными и синим шнурами, обозначающую его статус. Три пряди более толстые – третий по старшинству мужчина в семье, считая от главы; остальные тонкие, их могло быть любое количество, но именно в них вплетались шнуры. Два серебряных указывали, что он второй наследник, синий, что маг. Впрочем, цвет глаз выдавал его способность куда вернее, чем шнур в волосах: светловолосые чистокровные элфие имели глаза либо зеленых, либо голубых оттенков, но никак ни обоих разом. Коса была готова наполовину, когда Таэрен вспомнил, что сегодня он только Страж. Пришлось избавляться от шнуров и плести косу заново. По-простому, в колос.

На заднем дворе посольского дома было значительно тише, чем могло быть, учитывая, что там ожидали две дюжины Стражей, конюшие, заспанный наместник Ллотина Хашет тен'Варта (этому что здесь нужно?) с двумя охранниками и тощим остролицым тинт в темном мундире с нашивками краевого сыска. Последний, состоящий, казалось, из одних углов, особенно не понравился.

Таэрену вообще тинт нравились редко. Только юные и женщины. Иногда. В паху щекотнуло – зря Кальти³⁰ отпустил. Девушка была его уже второе девятидневье. Обычно он избавлялся от наложниц гораздо раньше, но у этой было одно неоспоримое преимущество – она никогда с ним не говорила. Тишина и покорность. Хорошее сочетание.

Верей нервничал, теребил кончик косы. Недопустимо, даже для эльфар, быть настолько несдержанным в чувствах. Из-за присутствия наместника вся эта затея с переодеванием и мизинца не стоила. Мог бы ехать, как обычно. Что же, все-таки, там произошло, на той дороге, раз ката уже копытом бьет от нетерпения.

Таэрен спустился с крыльца. Стражи слаженно, как один, отсалютовали, звучно хлопнув по правому наплечнику со знаком дома Тёрн (свернутая в кольцо шипастая ветвь с тремя цветами внутри, образующими личный символ Светоча – звезду). На левом плече крепился серебряный лик. Стражи уже надели свои, и отличить их друг от друга было весьма проблематично. Остро ценящий индивидуальность, тиэнле почувствовал легкий дискомфорт, однако снял с плеча свою маску и пристегнул к шлему, затейливо повторяющему птичью голову. Обзор сузился, несмотря на наложенную на внутреннюю поверхность металла «проницаемость».

³⁰ *Кальти* – олененок.

Подвели лошадь. Таковую же, как у всех, светло-серую. Таэрен проверил, надежно ли закреплены на спине ножны и легко ли ходит скааш³¹, сжал-разогнул надетый на правую руку ройн³², щелкнув когтистыми навершиями, и, проигнорировав стремяна, красуясь, вскочил в седло.

³¹ *Скааш* – традиционное оружие элфие, тонкий чуть изогнутый меч с полутораручной рукоятью и небольшой гардой, длина клинка 80 см, носится в ножнах на спине рукоятью вниз, бывают парными.

³² *Ройн* – латная перчатка с «когтями», элемент доспеха Стража.

Глава 2

За город выехали быстро. Улицы были еще пусты. Неприятный тинт увязался за отрядом вместе с двумя из охраны наместника. Пусть его, тиэнле не слишком интересовали порядки тинт, хотя отец отправлял его сюда как раз за тем, чтобы он в этих порядках разобрался.

Смысла в этом Таэрен не видел, так как людская система управления была более простой калькой с их собственных Кругов Света и разделения на дома, у тинт были Края и роды. Край Ллоэтинне принадлежал роду Варта, а род Варта – дому Тёрн. Да и все остальные роды тинт дому Тёрн принадлежали, потому что Светоч был из рода Тёрн, и, как и положено Светочу, светел и мудр. Тиэнле, пользуясь тем, что лицо его скрыто маской, позволил себе пренебрежительно улыбнуться. У них с отцом были странные отношения. Они могли не видеться месяцами, живя в одном дворце, или каждый день встречаться будь то тренировочный зал, библиотека или сады.

Глупый был спор. Наказанием за несдержанность стал год в землях тинт и запрет пользоваться магией до конца срока. Амулет надели при всех и при всех же пояснили за что. Пришлось весь вечер держать лицо и утешать себя разговорами о новых возможностях познания себя. Кто это вообще придумал?

За воротами сразу стало легче. Таэрен почувствовал, как затухает действие амулета, и с наслаждением вдохнул. Когда количество тинт рядом сходило на нет, браслет ослаблял хватку, позволяя пользоваться крохами от возможного. Город позади ощущался выгребной ямой, но то, что именно «позади», уже было невыразимо приятно. Биение Истока слышалось едва-едва. Еще бы, ведь отсюда до Земель не меньше семи дней пути. Тиэнле размял плечи и поискал глазами Верея. Он обещал ката помочь в пути. Самым простым был заговор «быстрые ноги» для лошадей, но его не стоило использовать, если не будет времени дать животным отдохнуть. Еще можно «сложить путь», выбрав ровный видимый участок. Но это было на грани того, что ему сейчас доступно из-за ограничения.

Ментор ехал рядом с тощим тинт и о чем-то расспрашивал его. Затем кивнул и направился напрямик к Таэрену.

– Тиэнле...

– Я снова повел себя как дитя, так ведь?

– Не думаю, на мой взгляд, вам будет полезно не выделяться.

– Что сказало это ущербное создание?

– Я бы не назвал тен'Фириза ущербным. Это не тот случай, когда внешнее отражает внутреннее.

– Считаешь меня глупым?

– Нет, всего лишь напоминаю, что вы очень часто слишком прямолинейны в суждениях, но это следствие возраста и с возрастом же проходит. Обычно.

– Сколько тебе лет, Верей'ан'халте? Ты встал у трона Светоча, когда я едва достиг первого совершеннолетия³³, я скоро отпраздную второе, а ты все такой же.

– Я старше вас, тиэнле, но эльфар и взрослеют быстрее.

– Кто был твоим отцом? Ты знал его?

– Не знаю. Нет, – отвечал ката. Таэрен не видел его лица под маской, но был уверен, что Верей улыбается, он был скор на улыбки так же, как и на гнев. – Раньше вас это не интересовало.

³³ Первое совершеннолетие – 100 лет, второе – 300 лет, взрослым элфие считается в 600 лет, до этого времени вся ответственность за действия и поступки ложится на родителей и наставников.

– Раньше я был тиэнле'аше тен'Тьерт, а сейчас я просто Страж. Можешь звать меня Эйт'селейн³⁴, Неожиданность.

– Не стоит именовать себя иначе, когда взбредет в голову, просто Страж. Магия мира отзывается на наши слова не всегда так, как мы хотим, но всегда так, как мы заслужили.

– Глупые предрассудки. И я не слышу магию, почти, и ты прекрасно это знаешь.

– Но она слышит вас.

Таэрен поморщился. Вере́й любил пофилософствовать и мог предаваться этому занятию сколь угодно долго, а тиэнле отправился с ним не для того, чтобы от скуки изнывать, а как раз наоборот.

– Так что же поведал тебе почтенный тен'Фириз? И зачем он вообще с нами поехал? – поспешил сменить тему Таэрен.

– Это не первый случай. Все нападения произошли в окрестностях города. Время разное, однако, действовали всегда одинаково. Только караваны из Земель. Других не трогали. Но в этот раз погиб элфие. До этого наблюдающих лишь оглушали.

– Ты говорил, что торопишься. Я бы мог...

– Не стоит нарушать запреты. Успеем, если прекратим разговоры и пришпорим лошадей. Мы выехали раньше, чем я рассчитывал. Думал, вам понадобится больше времени на... хм, сборы.

– Как прикажет ан'халте, – Таэрен коснулся знака Тёрн на плече. – Свет и Явь.

– Свет и Явь, Эйт'селейн, – отозвался эльффар.

На месте были спустя полчаса.

Их встретила тишина, вороны, стащенные на обочину следы недавнего побоища и двое похожих на тех же ворон сыскарей в черных мундирах, как у тен'Фириза, но чином помладше.

Погибший, судя по одежде и косе, был третьим сыном дома Шиповника. Семья была из простых, торговцы и наемные работники. Средний достаток, ничего выдающегося. Кто-то из Шиповников служил в охране дворца, кажется. Но это была кровь элфие. И пролита она была рукой тинт, хотя Вере́й велел не торопиться с выводами. Опять же сеть, опутавшая наблюдающего, была зачарована, чтобы лишать сил, а убит едва перешагнувший второе совершеннолетие элфие был максимально позорным способом. Ему, связанному и не способному себя защитить, перерезали горло. Его скааш был сломан и брошен рядом с телом.

Именно меч и насторожил ката. Вере́й не сомневался, что тинт могли убить наблюдателя, но меч ломать... Подобный поступок был слишком похож на вызов.

Ката отдал Стражам распоряжение подготовить тело погибшего к перевозке, взял с собой обоих подчиненных тен'Фириза и ушел. Артефакт поиска работал ровно и мощно, Таэрен ощущал отголоски, значит следов оставлено достаточно, чтобы привести возмездие к порогу нарушителей Уложений.

Рядом нарисовался остроносый. На элфиен'рие он говорил ужасно, глотая слоги, поэтому пришлось попросить его не множить страдания. А уши Таэрена очень сильно страдали, когда он это слышал.

– Вы старший после воеводы Верея? Он просил обращаться к вам, пока занят.

– Что вам нужно? – спросил тиэнле.

– Мои люди нашли у одного из погибших, думаю, вам будет любопытно.

В руку Таэрена лег обрывок кожаной перевязи с чеканной металлической эмблемой из серебра – круг, разорванный пополам силуэтом горной гряды. Элефи Тарé, Дети Сумерек. Круг был черным с густым глянцевым отблеском – Дом Оникса. Это могло значить многое и не значить ничего. Просто обрывок перевязи, найденный на дороге. Мало ли, что понадобилось сумеречному эльфу в землях тинт, может, просто гулял.

³⁴ Эйт'селейн – случай, неожиданность.

Верей вернулся мрачный. Висящий на поясе артефакт чуть заметно пульсировал, значит, след был четкий.

– Едем, Эйт'селейн, – сказал ката.

Тиэнле кивнул и решил, что перевязь покажет позже.

Глава 3

Артефакт замолчал на окраине деревни, куда отряд прибыл после полудня. Вере́й велел затаиться и наблюдать, и выслал двух Стражей скрытно разведать окрестности. На взгляд Таэрена, это было лишнее. И ждать до утра тоже было лишним, и вообще, зря он навязался, сейчас бы отдыхал у себя после обеда, а малышка Кальти его порадовала бы, а может и не раз. Кажется, он задремал, привалившись спиной к дереву, потому что, когда зануда Вере́й, позвав его вымышленным именем, пнул по ноге, на небе угасал закат.

– Твоя очередь, – сказал ката, переходя на неформальное общение.

– Очередь для чего? – мрачно осведомился тиэнле.

– Твой дозор, Эй́т’селейн, через полчаса, – и кивнул на валяющиеся на траве ройн и маску, – полный доспех.

– Не слишком ли серьезно ты принял игру в простого Стража, Вере́й?

– Мы уже не играем, тиэнле. Ужин, дозор, сон, возмездие. Потом возвращаемся в Земли. Ты должен был сказать мне об Элефи Таре, Страж.

– Ты знал, – холодно уронил Таэрен.

– Знал еще до того, как мы выехали из Лотина. Это был урок, вы его провалили, тиэнле. Поэтому ужин, дозор, сон, возмездие. С этого момента и до границы Земель вы Страж и ваше имя Эй́т’селейн.

– Твое право, ката Вере́й, – ответил он, поднимаясь и глядя прямо на эльфа́ра, и вряд ли кто смог бы расслышать в его ровном голосе раздражение и заметить недовольство в прозрачно-льדיстых синих глазах.

И все было, как ката велел. Ужин – полоска вяленого мяса, хлебец, вода. Дозор – три часа неподвижного сидения в густой тени с видом на спящую деревню, в которой не происходило ровным счетом ничего. Здесь явно жили ремесленники. Единственное поле было пастбищем, имелся довольно обширный сад, запах яблок доносился даже сюда, в густой подлесок, где остановился отряд. За садом текла небольшая река, с заросшими камышом и осокой берегами. Чистая, Таэрен немного *слышал* ее, значит, где-то с ее водами смешались воды Истока.

Темное небо усыпало звездами. Здесь они смотрелись мельче, чем в Землях. Но не были такими колючими. Ярче и выше всех, почти над самой головой Таэрена, сияла Ньен Сиаль, Звезда Севера, Путеводная. Она указывала путь к дому, в самый прекрасный город, который могли создать руки живущих, Райвеллин³⁵, и каждую ночь всходила над шпилями Эйсти Тиэн. Сияющий Поток, так назывался дворец Светоча. По большому счету, это было пять башен, объединенных переходами. Центральную, самую широкую и высокую, которая звалась Тиэн, занимал отец и его жена, их приближенные и слуги.

В Рассветной, Хилан, жил брат, Илленвел’тиэнле’ири тен’Тьерт³⁶, первый наследник. Разница в возрасте у них была значительная, но Илленвел возился с братом больше отца. И матери, Каалленсиаль’тиэн тен’Айви³⁷, которая вскоре после совершеннолетия Таэрена, вернула отцу обет и ветвь и удалилась в Закатную башню, Лахиль. Там она жила в уединении, ничем особо не интересуясь, и покидала ее только по значительным случаям. Случай с наказанием Таэрена она сочла значительным. По крайней мере, было забавно наблюдать за отцом, который пытался держать лицо, разрываясь между двумя своими женщинами, одна из которых родила ему двоих детей, а вторая ждала третьего и потому бывала весьма эмоциональна.

³⁵ *Райвеллин* – умиротворение.

³⁶ Илленвел’тиэнле’ири тен’Тьерт – Илленвел, страшный наследник дома Тёрн; *тиэнле* – наследник (от *тиэн* – сияние), *ири* – старший (не путать с *ириэ* – старый), *тьерт* – тёрн, терновник.

³⁷ Каалленсиаль’тиэн тен’Айви – Каалленсиаль Сияющая (здесь – титул) из дома Плюща.

С новой женой, Сканмиэле³⁸, Таэрен дружил. Она была чуть младше брата, часто смеялась. С ней было легко. Отцу повезло. Браки по договору редко бывают удачными. Мысли о женах и браке неизбежно свернули к постельным радостям, и радости это отнюдь не добавляло, а дискомфорта очень даже. Интересно, есть ли в деревне симпатичные девицы, не обремененные излишней моралью?

Когда в переплетении ветвей тиэнле стали грезиться приятные глазу округлости, он понял, что засыпает. Чуть шевельнулся, поочередно напрягая мышцы, чтобы разогнать кровь, выполнил серию дыхательных упражнений. Стало легче. Хотелось снять маску, да и весь доспех, спуститься к реке, окунуть ноги в воду и слушать, как она поет, как шепчет камыш на берегу и вздрагивают полусонные деревья, потревоженные ветром.

Увлеченный звуками ночи, Таэрен не заметил, как подошел Вере́й, но сумел не вздрогнуть, когда ката положил руку ему на плечо.

– Ты уснул, Страж.

– Я не сплю.

– Если бы ты не спал, меня бы приветствовал твой скааш.

– После такого приветствия, мы спели бы тебе «прощание», ан'халте.

– О, вы не настолько хороши, тиэнле, чтобы после поединка с вами мне пели «прощание», – кажется, Вере́й улыбался, но Таэрену было лень поворачиваться, уж очень удобно он сейчас сидел.

– Я уже побеждал тебя. Дважды, – сказал он.

– А сколько раз проиграли?

– В памяти мы храним победы, – отозвался тиэнле.

– А поражения становятся нашим уроком, – продолжил эльфяр, – раз уж взялись цитировать вашего деда, не вырывайте фразу из контекста. Вы видите?

– Он приезжал на мое совершеннолетие. Скааш, который у меня в ножнах, принадлежал ему. Илленвел мне завидовал, и это недостойное чувство доставило мне толику радости. И доставляет до сих пор, потому что брат по-прежнему мне завидует. Зачем ты взял меня с собой, ката?

– Пришло время тебя научить.

– Мы провели почти год здесь, а ты учишь только сейчас? А что было до этого? – день в дороге, немного скуки и усталости, и раздражение начало сквозить в голосе, как Таэрен не старался себя сдерживать. Он по-прежнему не смотрел на Вере́я, но ему от чего-то казалось, что ментор доволен.

– Ответьте сами, тиэнле. Что бывает прежде урока?

– Подготовка, – ответил Таэрен и обернулся.

Эльфяр стоял в тени дерева. На нем не было доспеха, коса с черным шнуром лежала на плече, похожая на сытую змею. Вере́й действительно улыбался и действительно был доволен. Станным образом это доставляло удовольствие и Таэрену, поэтому он плюнул на правила и тоже улыбнулся в ответ, хотя под маской видно не было.

– Твой дозор окончен, иди отдыхать, Страж.

Тиэнле поднялся и бесшумно, как могут только элфие, даже будь на них полный доспех, скользнул в переплетение теней. Он нашел свою лошадь, достал из седельной сумки походное одеяло, снял латы, завернулся в тонкую, но теплую ткань, и уснул. Скааш лежал рядом, так чтобы сразу попался в руку при пробуждении. И сны пришли правильные, о сражениях и доблести. И никаких женских изгибов. А под утро пришла тьма. Она всегда приходила на расвете, поэтому тиэнле вставал раньше. Сегодня не успел. Скааш знаменитого деда был здесь не помощник, потому что у тьмы не было голов, которые можно было отсечь, и не было сердца,

³⁸ Вторая жена Светоча не имеет права на титул.

которое можно было пронзить. Она навалилась и вползла внутрь, вымораживая душу, пока кто-то далекий не позвал его по имени.

Таэрен, тан аэриен³⁹, Прерванная смерть.

³⁹ *Тан аэриен* – прерванная смерть (тан – разрыв, *аэриен* – уход, смерть).

Часть 4. В пути / Сете'ка'ин

...Как господин повелит, так и делать. Уложения хранителей

Глава 1

Было еще темно, когда задняя дверь купцова дома чуть слышно отворилась. Темная в предрассветных сумерках фигура с дорожным мешком на плече быстро пересекла двор, направляясь к барaku, где жили работники. Отданный на откуп елфие молодой и плечистый парень спал с краю и проснулся, едва пальцы коснулись плеча. Встал тихо и вышел вслед за ранним гостем.

– Еда и дорожный скарб в мешке. И денег положил, как обещано. Одежу свою сымай. Мою возмешь. Схоронишься пока в овине, как стемнеет – уходи.

* * *

Утро куталось туманом, белым и плотным, словно из небесной чаши пролилось молоко. Сначала тишина была такой же густой и белой. А потом, вслед за громкими петушиными распевами, начала просыпаться веска: слышался натужный скрип колодезного ворота, звякали пустые ведра, залаяла собака, стала подавать голоса всевозможная домашняя живность. Кто-то забранился так же визгливо и громко. Туман осмелился и протянул плотные белесые ленты дальше по дороге, вползая за огорожи крайних хат, растекся дымкой по дворам. Солнце боком выглянуло из-за кудели облаков и просеяло волглую марь лучами.

Лорка стояла на крыльце и смотрела, как тают на траве мглистые клочья. Она никак не могла спустить ногу со ступеньки. Дверь приоткрылась, в щелку громко задышали и зашмыгали носом. Лорка оглянулась. На Томаше была длинная, до колен, ночная рубашка, босая нога коснулась влажных и прохладных по утру досок и отдернулась обратно.

– Сестрица, я проводить...

– Штаны одень, провожайщик.

Дверь закрылась, потом открылась снова, но это был не Томаш. Отец. Молчал и смотрел тяжело, виновато. И от этой его вины на крыльце стало тесно, и Лорка ступила на утоптанную до каменной твердости дорожку, темную от схлынувшего тумана. Сырость просачивалась сквозь тонкие кожаные поршни, холодила пятки, тонкие носки не спасали. Кожа покрылась цыпками, и Лорка точно не знала, от волглого утра или от отцовского взгляда. Губы Дамьяна шевельнулись, и зябко стало не только ногам.

– Владыка наш и Отец, Пахарь, Сеятель, Жнец, Боже Единый! Славу тебе пою во время печали, – почти беззвучно заговорил отец, глядя на нее. – Затворены уста мои, ибо душе говорить прощание...

– Не хорони, – чужим незнакомым голосом сказала Лорка, впервые на своем веку перебив родителя, – жива еще. Ты бы еще дорожку пеплом посыпал.

И посмотрела прямо, как не смотрела никогда. Отец замолчал и отвел взгляд. Их хаты выскочил Томаш, босой, но уже в рубахе и штанах. Ткнулся лбом под грудь, руками обхватил и задышал часто, отчаянно сдерживая слезы. Встрепанная макушка пахла сном и домом.

– Эй, ну что ты, – заговорила Лорка и отодвинулась, чтобы посмотреть на брата. Присела, сразу сделавшись ниже его на голову, и теперь Томаш глядел сверху вниз. Прикушенная губа побелела, в распахнутых глазах Лорка видела себя. Не утерпел. Дрогнули ресницы, отражение в темных зрачках застлало слезами. Томаш мотнул головой, оттер щеки рукавом и протянул плетеный из красной нитки детский оберег. Теперь понятно, чего так долго возился, – искал среди своих мальчишечьих сокровищ прощальный подарок.

Лорка подала руку, и брат старательно повязал тесемку ей на левое запястье, к сердцу ближе. Пока вязал, слезы высохли, осталась только детская обида.

Поднялась. В груди было звонко и пусто, как в новой еще не обжитой хате, и Лорка слышала, как дрожат и лопаются струнки, связывающие ее с домом.

– Как тебя зовут, брат?

– Томиллен, защитник, дома хранитель.

– Вот и храни, – сказала она и поцеловала Томаша в макушку. Жесткие, темные, как у отца, волосы немного вились и всегда по утру торчали во все стороны.

Спину пробрало ознобом. Лорка оглянулась – у калитки стоял Страж. Тот ли он был, что вчера приходил, или другой, было не понять.

– Не провожайте, не надо, – сказала она, глядя на отца, и вышла со двора.

На торжке уже собирались. Сопровождавший Лорку молчаливый Страж подвел ее к Лексену, сидящему за прилавком с бумагой и писалом. Чуть поодаль расположился Среброликий с черным шнуром в блекло-золотой косе. Этого бы Лорка узнала и так – он был тяжелее прочих элфие и телом, и взглядом. Грамотей поднял на нее свои выцветшие глаза и ничего не спрашивая записал: Лорка Дамьяна тен'Ловец. А потом глазом дернул, словно подмигнуть хотел. Лексен всегда ее полным именем звал, а тут вдруг... Хотя, странно бы смотрелось оно в списке прочих весковых имен, запиши он Ллориен вместо Лорки.

Провожающих пришло много, все молчали, и потому Лорка не сразу поняла, что собралась почти вся веска. Страж рядом пошевелился и подбородком дернул в сторону стоящих у выезда телег. На двух из них уже сидели откупные: парни в одной и пара девок в другой. Лорка пошла к девкам, неуклюже взобралась – борта были высокие, а руки никто не подал. Даже в Лоркину сторону не глянула ни одна. Ну и пусть на них, все равно Лорка с ними не зналась, так, видела несколько раз в лавке и на торжке. Они с другой стороны вески жили, где корчма. Пригожие. Одна девка была чернявая, как Цвета, вторая светлая, как пшеничный колос, и кудрявая, волосы в ее косе и без ленты держались. Лорка поглядела на туго перевязанную свою странного цвета палой листвы, не рыжую, не русую. Таких волос ни у кого в веске не было, только у нее. И глаз, серых с лиловой прожилкой.

Возница был незнакомый, чужой, так держались только прибылые из Земель элфие. Туда многие сами жить уходили, говорили, что хорошо, и земля родит, только надо клятву принести и за себя, и за всех, кто после тебя родится. Видно, наняли в корчме или в гостинном доме, думала Лорка, разглядывая спину и светлую коротко стриженую макушку. О чужом думала, чтоб о родных не вспоминать.

Выехали через две лучины. Солнце уже хорошо поднялось, и туман истаял совсем, а дорога до самого выезда была серой. И только когда крайние хаты остались позади и сбитый ногами и колесами песок стал привычного цвета, Лорка поняла, что чьи-то руки обильно усыпали путь пеплом.

– И будет время семян и время урожая, и ляжет покорно колос под серп Твой, и всякому и каждому по трудам его да воздастся, – выводила слова прощания тихим срывающимся голосом чернявая, а все прочие девки – а было их уже семеро на телеге – осеняли себя серпом.

Глава 2

Первый привал был после полудня, недолго. Река здесь делала петлю, на плоской вымине удобно было поить лошадей, чем и занялась часть Стражей. Гневливый элфие с черным шнуром в косе, которого Среброликие звали Верей и ан'халте, отправил еще двоих напоить людей.

Страж подошел к Лоркиной телеге с большим плоским круглым сосудом и протянул его, глядя поверх голов съезжившихся и умолкших девок. Лорка была ближе всего и взяла. Элфие поспешил отдернуть руку, развернулся уйти, длинная коса стегнула хлыстом, мазнув краем по Лоркиному лбу. В косе красным и золотом блеснула знакомая лента, Цветина. Лорка даже рот приоткрыла от удивления. А пока зевала, девки баклагу из рук забрали, и досталось Лорке всего-то глоточка.

Второй раз остановились, когда уже солнце село. Их пустили походить, и возница показал, где умыться можно и всякие дела сделать. Времени дал меньше лучины и пригрозил, чтоб шевелились. Стоянка была большая, одной стороной она упиралась в густой ельник с непролазным малинником по краю, с другой сочился туманом неглубокий овраг, уступами спускающийся к реке. Здесь из земли проглядывали камни. Лорка прислонилась к одному такому. Шершавый бок еще не успел остыть и охотно делился теплом. Дальше за рекой виделись далекие огоньки весок.

Дорога, на которую они свернули после полудня, проросла жесткой травой, и не похоже было, чтоб ею часто пользовались. И на стоянке этой, хоть и удобной, трава почти в колено выросла. Лорка оглянулась – Стражей было всего четверо. Один стоял у дороги, двое лошадей обихаживали, еще один по лагерю прохаживался, будто гулял. Только ходил, как кот вокруг стайки воробьев, вот ему и дела до птах нет совсем, и тут раз, и только перья по сторонам летят. Красиво ходил. Тот, с Цветиной лентой в косе.

Если бы из-под подошвы его сапога не вывернулся камешек, Лорка бы его не услышала. Верей поднимался из оврага, и прежде, чем маска успела лечь на лицо, она успела разглядеть высокие острые скулы, тяжеловатый для элфие подбородок, густые брови, вздернутые к вискам, и раскосые глаза. Страж остановился в шаге, побуравил глазами и мотнул головой в сторону телег. Лорка повиновалась, слишком жива была в памяти вздергивающая вверх рука и липкий холод в затылке.

– Не всякое знание во благо, дева тинт, – вдруг прилетело в спину, Лорка запнулась о траву и едва не упала.

Коса в дороге растрепалась и волосы залепили лицо, потому к телеге она шла, почти не глядя, и тут же снова запнулась. Чья-то рука изловила ее за рубашку и поставила на ноги.

Верей возвышался скалой. Рядом с ним даже выдохнуть страшно было.

– Спасибо, тин элле, – пролепетала Лорка.

– Помни о благе, элефи⁴⁰, – ответил тот и отступил.

Когда Лорка подошла к телеге, хмурый возница дал ей напиться, вручил ломоть хлеба с мягким ноздреватым сыром, дождался, пока она спешно проглотит немудреный ужин, велел к остальным лезть и ловко руки ремешком к обрешетке привязал. Укрыться дали тонкое походное одеяло. Закрывая глаза, Лорка хотела, чтоб пришел теплый сон про дом и брата, и отца, а снилась только серая муть.

Девки сбились по двое, чтоб теплее было, Лорке пары не нашлось, и к рассвету она продрогла и едва зубами не стучала, а потому начавшуюся в лагере утреннюю возню встречала с радостью. Стражи возникли из леса, как из тумана соткались. Элфие вообще очень мало зву-

⁴⁰ *Элефи* – дитя, ребенок.

ков издавали: ходили неслышно и между собой не говорили почти, будто по взглядам один одного понимали. Может и так. Лексен рассказывал, что из них много кто чаровать умеет. Как это чарование выглядит, Лорка себе никак представить не могла.

Весь шум, что на стоянке был, шел от телег с парнями. Их уже развязали и дали время в лесок сбегать. Двое молодцов повздорили, третий разнял и одному из буянов подзатыльник отвесил. Фигура миротворца в небеленой рубахе казалась знакомой, особенно темно-русый вихор на затылке. Сердце забилося в горле, и дыхание перемянуло! Да быть того не может! Гринь? Она уже и окликнуть хотела, но тут возница подошел.

– Что ерзаешь?

– Надо мне, – соврала Лорка и почувствовала, что краснеет.

– Так сказала бы, я ж не зверь. Давно ведь не спишь, – и принялся распутывать ремешок, сначала Лоркин, а потом и других девок, которые тоже завозились, выныривая из беспокойного сна.

– Зачем нас вообще привязали, куда мы денемся? – спросила чернявая, зевая в рукав.

– Мне велели, я и привязал, – отозвался парень.

– А ты откуда? – Лорке было любопытно. Прочие девки были уже у малинника, а она осталась.

– Оттуда, – возница кивнул в сторону дороги, – ехал родителей навестить, год ждал, чтоб позволили. Заночевал вот у вас. Лучше б в ночь поехал. Теперь когда еще пустят...

– Жалко, – протянула Лорка, – а другие?

– А другие по другим делам. Мы же клейменные, если элфие прикажет, поперек не пойдем. Клятва не даст. – Белобрысый отогнул ворот и показал Лорке проступающее на коже пониже ключицы темно-багровое тавро – смыкающиеся в звезду цветы и шипастая ветка по кругу.

– И нас тоже так? – она прикрыла ладошками место у себя на груди, куда стала бы печать. Возница хохотнул и посмотрел по-иному, разглядывая Лорку с головы до пяток.

– Нет, пригожих девок они по-другому клеймят, – и рассмеялся в голос. – Иди давай, а то в пути никто не пустит, пока на дневку не станем.

Лорка метнулась к малиннику. Девки уже возвращались. И тут та, с пушистой светлой косой, Лорку за руку взяла.

– Что?

– Сходить с тобой? – предложила она и, не дожидаясь согласия, оставила подругу и пошла рядом. – Я Ива. Меня на откуп отдали, а ты как здесь?

– Сама, некому больше было, – ответила Лорка, и вдруг так ей себя жалко сделалось, едва не до слез.

– Давай живее, а то заругают, – поторопила новая подружка.

Лорка проглотила и слезы, и жалость и нырнула в малинник. Нос встретился с узорчатыми латами и мгновенно занемел. Близкие слезы будто только и ждали, хлынув из-под прижмуренных от внезапной боли век.

– О, тан каан⁴¹! – раздалось над Лоркиной головой. – Опять ты!

Поднятая рука с серебряным ликом опустилась. Острые скулы, тяжеловатый подбородок, густые темные брови, вздернутые к вискам, и раскосые глаза. У ан'халте Верея они неожиданно оказались цвета теплого янтаря.

Из кустов Лорка выбралась красная, как свекла, потому что элфие невозмутимо поодаль ждал, пока она свои дела сделает. Цапнула Иву за рукав и быстренько прочь пошла, едва не бегом. Подружка молчала ошарашенно и оглядывалась через шаг на идущего следом Верея,

⁴¹ Тан каан – дословно прерванное время, конец, считается просторечным и используется как ругательство.

Лорка же чувствовала его взгляд между лопаток, и утихшие было щеки и уши снова начинали полыхать.

Глава 3

Следующие четыре дня были похожи один на другой и Лорке начинало грезиться, будто она всю жизнь провела в телеге, привязанная к борту. Ныли ноги от долгого сидения, и спину ломило, будто полола весь день. И в баню хотелось, или хоть в реку, и рубашку сменить. Томаш снился вторую ночь, плакал и звал, сердце выпрыгивало от беспокойства, и она просыпалась в серых сумерках, ждала пока солнце встанет. С ней по-прежнему почти не говорили. Только Ива и еще пара девок, но они рядом сидели и, как ни дичись, все время молча не проведешь. В тот день, как Верей ее из леска провожал, вообще все глядели странно.

– Смотри, а то и себе возьмет, – сказала Ива. – Наблюдает коршуном.

– Пустое, зол он на меня просто. И с чего взяла? Глаз не видно.

– Может и пустое, только все равно от злобы не так смотрят, – она поерзала, устраиваясь, и зашептала на ухо: – А я бы и не против. Они, говорят, красивые все, краше наших парней.

Ива продолжала говорить, но Лорка уже не слушала. Вытянув шею, она пыталась рассмотреть идущую впереди телегу. Она тогда не ошиблась, Гринь был среди парней. Как-то на дневке она хотела подойти, но ей не дали. Один из Стражей преградил дорогу и молча ждал, пока Лорка вернется к девкам.

– Ты чего? – шипела потом Ива. – Еще решат, что у тебя там дружок.

– И что?

– Вот глупая! Раз дружок, то можешь быть не чиста, и тогда забудь про хорошее место, отправят в кухню или еще куда, будешь до смерти сковородки чистить. А к себе они только девиц берут.

– Откуда знаешь?

– Я в корчме работала, там народ разный бывает из города и из Земель иногда, говорят всякое, – Ива напускала на себя важный вид, но Лорке делалось смешно. – Только вот не пойму, что они нас сразу вязать не стали, а только на второй день.

Лорка сначала плечами пожала, а потом подумала, что сразу и незачем было, ведь сказали тогда на торжке, что за беглеца родичи вдвое ответят. Сбежал бы кто – в веску было быстро вернуться и долг стребовать.

Иногда девки брались петь, чтоб не так скучно было. В черед пела и Лорка. Она все о Томаше думала, и сама собой мамину песню начала, которую ему вместо колыбельной пела. На элфиен'риа.

*Когда зацветет терновник,
Ты выйдешь ко мне босая.
Зарею распустишь косы.
Росу по траве бросая,
Спешишь туманное утро...⁴²*

А потом осеклась, потому что девки замерли, кто как сидел, а на нее тень упала. Рядом с телегой лошадь шла, почти бесшумно, а потом вперед скакнула. Лорка только хвост белесый углядела и длинную медовую косу с черным шнуром. Девки зашептались и захихикали. Шутили, что она хозяйина себе приваживает, и Ива среди них первая. Лорка даже обиделась.

– Глупая, смотри какой высокий, статный, – мечтательно говорила соседка, провожая иногда попадавшего на глаза Верея, который выделялся среди других Стражей шириной плеч, – как обнимет...

⁴² Здесь и далее стихи автора.

И Лорка краснела. Она всегда краснела легко.

– Да ты дитя совсем, – смеялась подружка, – восемнадцать есть?

– Есть, – отвечала она. – Было вот только. – И с новым поворотом опять пыталась переднюю телегу рассмотреть.

Вчера на дневке они глазами с Гринем встретились, и он улыбнулся и рукой махнул. Сразу сделалось легко, будто Лорку облако держало, а потом рядом Страж прошел, и она поспешила взгляд отвести. Отвернулась и наткнулась на другого. Этот вроде как наблюдал за ней, коса, гладкая и даже с виду тяжелая, лежала на плече. Лента красная с золотом. Подумалось, просто взял завязать или Цветину косу расплетал... Щеки тут же занялись и, казалось, элфие улыбается гадко и глаза наглые щурит, прямо как тот бесстыжий у реки. А может это он и был, волос то похожий. Лорка из Стражей только этого вот и Верея еще различала.

Сегодня жарко было. Ни облачка. Небо выпвело, куцые тени жались к деревьям. Слева тянулась высокая каменная круча. Дорога вилась змеей, лес давно отступил, а река, наоборот, стала совсем близкой. Ее было хорошо слышно. Она сделалась шумной, прыгала по камням, шипела и рокотала внизу, под обрывом, край которого порос кустами и кривоватыми деревьями. Кое-где сохранились столбики и поперечины старой ограды, такой темной, что было не разобрать, камень это или дерево. Телега поскрипывала, в макушку припекало, глаза закрывались

Сначала вздрогнула земля. Впряженная в телегу мышастая лошадь пригнула уши и замерла. Лорка, убаюканная мерным покачиванием, сонно моргнула и с изумлением уставилась на двух Стражей, пронесшихся мимо по самой кромке обрыва вперед, туда, где вдруг раздался крики и грохот скатывающихся камней. Возница привстал, чтоб посмотреть, что впереди. Что-то коротко вжикнуло, ткнулось, парень булькнул горлом и завалился назад, угодив белесой неровно стриженной макушкой прямоиком на Лоркины коленки. В уголке глаза торчала тонкая темная стрела с серыми перьями. Еще одна вонзилась над ключицей, наискось проткнув шею под кадыком. Из рта, по щеке, прямо на подол стекала темная густая живица.

Сначала было тихо, а потом девки заголосили разом. Мышастая поддала копытами и рванулась. Треснула оглобля, телегу развернуло и едва не опрокинуло на бок. Ор усилился. Лорке тоже очень хотелось. От рывка, ее швырнуло на дно, мертвый возница навалился на нее, придавив ноги и живот, привязанные к кузову телеги руки тянуло, рядом возились чьи-то ноги в кожаных чунях, и было до одури страшно, потому что она ничего не видела из вытянутых немеющих рук. Только кусочек блеклого от жары неба. Что-то часто застучало, кузов над Лоркиной головой оброс стрелами, одна воткнулась в грудь покойника.

Она не выдержала. Взвизгнув, дернувшись, стягивающий руки кожаный ремень лопнул, и Лорка, ужом вывернувшись из-под мертвеца, кинулась к краю. Телега, взбрыкнула задом, как давешняя лошадь и Лорка, вылетев, с визгом покатила прямо к обрыву. Заскребла пальцами по камням, цепляясь за редкую траву, трещины, камни, наконец, ухватила за торчащий корень и застыла. На зубах скрипел песок, под коленками было пусто. Ноги висели над обрывом, под подол задувало.

– Единый Боже, по небу хожен, во миру славен, во гневе ярен, – бормотала Лорка, по пяди вытаскивая себя на дорогу, что есть мочи цепляясь за корявые корни росшего над обрывом дерева.

– Отведи беды, на всякий день и на всякий час, встань с духом нашим духом своим. От земли к небу, от темени к свету, от сих порогов укажи дорогу до Света чертогов. Слава! – Дрожащими губами завершила, она, и серпом Единого себя осенила.

Руки с ободранными в кровь ладонями и обломанными ногтями дрожали. Лорка подобрала коленки и сжалась в комок. Телеги не было. Валялись камни, от обрыва к дороге развился пролом, в расщелине, на самом краю, зацепившись колесом, висела ось.

А вокруг продолжали кричать, и кто-то куда-то бежал, спотыкался и падал. Сыпались с нависающего над дорогой утеса камни. Ржали кони. Дальше по дороге рубились. И звуки эти, злые и острые, как осиные жала, были все ближе, пока почти над самой Лоркиной макушкой не пронесся седой хвост стражей лошади, а потом она увидела круп другой, черной, и вжалась лицом в колени. Забормотала обережную молитву, сбилась.

Подняла глаза. Страж с красной лентой в косе и его смуглый темноволосый противник, сшиблись почти грудь в грудь. Мечи, узкий и чуть изогнутый, и прямой и темный, сцепились крестовинами. Темноволосый дернул плечом, из рукава куртки рыбкой выскользнул кинжал, и тотчас оказался в боку Серебристого. Страж пошатнулся, мечи расцепились, прямой пошел на замах...

Снова дрогнула земля, и сверху посыпалось. Черная лошадь оступилась, попала задними копытами в расщелину и завалилась, увлекая всадника за собой в пропасть. Свалившийся с утеса камень саданул лошадь Стража по крупу, та скакнула вперед, раненый Страж не удержался и приложился оземь тем самым боком, в котором кинжал торчал.

– О, аста ин хашши⁴³! – ругнулся элфие, когда из-под пластин плеснуло красным. Маска валялась на дороге вместе со шлемом, гладкие, как шелк, светлые волосы из растрепавшейся косы упали на лицо.

Страж приподнялся, прижимая локоть к раненому боку, и увидел вжавшуюся в дерево Лорку. Нечеловеческие, прозрачно-синие, как вода в ручье в конце сечения⁴⁴, чуть приподнятые к вискам глаза, глядящие сквозь лежащие на лице пряди, брезгливо прищурились, будто смотрел он не на девку, а не склизня.

– Тинт, – сказал, как плюнул. – За мной иди.

Встал, пошатываясь. Лорка следом поднялась, ноги не держали, и она цеплялась за кору. Что-то кракнуло, по земле перед ногами стоящего спиной к обрыву Стража зазмеилась трещина, он рванулся, но отколовшийся камень вывернулся и резко просел вниз. Ноги ухнули в пролом. Воин шкрябнул когтистыми наверхими латной перчатки по камням и исчез.

Лорка плюхнулась на живот и выглянула над обрывом. Внизу бурлила река, так ярко, что водяная пыль долетала до лица. Страж висел, уцепившись за корень. Подтянулся, попытался упереться ногами в стену обрыва, но камни сыпались. Ему никак не удавалось ухватиться так, чтоб поднять себя повыше. Сухое дерево трещало. Не будь не Серебристом лат, все бы вышло, но латы были. Тогда Лорка, вцепилась в бугры корней, свесилась над пропастью и потянулась к Стражу.

Тот, цапнув когтистой перчаткой корень, выбросил навстречу Лоркиной руке свою, с длинными белыми пальцами, и этими пальцами обхватил запястье, а Лорка, как смогла, вцепилась в ответ. У нее едва пуп не треснул, когда элфие едва не всем своим весом на руке повис. Но тут не выдержал корень. Лорка успела увидеть, как расширились глаза Стража, и кувыркнулась с обрыва вслед за ним.

⁴³ *Аста ин хашши* – ругательство в значении «застать врасплох»

⁴⁴ Сечение – февраль.

Часть 5. Река / Эйсти'мелн

45

А если какое постигнет тебя страдание, душевное или телесное, ... не впадай в отчаяние. Уложения Хранителей

⁴⁵ *Эйсти'мелн* – поток воды, река.

Глава 1

Гонец прибыл в Лотин так поздно, что наместнику Хашету тен'Варта, пришлось выйти, как был, в наброшенном на ночную сорочку стеганом халате. Седые на висках темные волосы тен'Варта топорщились над ушами, делая его похожим на всклокоченного филина.

– Что за навье проклятие, – ворчал мужчина, спускаясь по лестнице из коридора, разделяющего жилую и служебную части ратуши. Шлепанцы так и норовили сползти с босых ног. В холле стоял невозмутимый типус в мундире краевого сыска, один из тех, что уехали обоз разоренный смотреть.

– От ан'халте Веря, – сказал прибывший и передал костяную трубку с посланием.

Наместник скovyрнул восковую пробку, мизинцем достал свернутый лист, щурясь, прочел, кивнул сам себе.

– О решении велено доложить дознавателю тен'Фиризу, – подал голос гонец.

– Передай, каратели выйдут утром.

– Каан даэро, время возмездия, – вместо прощания произнес сыскарь и неслышно выскользнул прочь.

– Каан даэро, – вполголоса повторил за ним наместник, и, чуя, как по позвоночнику ползет озноб, осенил себя серпом.

* * *

Лорка не думала, что падать в воду может быть так больно. Обожгло, оглушило, закрутило и поволокло. Единственное, что она чувствовала – рука элфие на запястье, сомкнувшись капканом пальцы. И дышать! Дышать! Но кругом вода, ледяная, как зимой в проруби. Как летом может быть такая холодная вода? Мелькнула перед глазами красная лента, руку дернуло, и пальцы разжались, а потом Лорку швырнуло вверх и приложило о камень так сильно, что схваченный жадно воздух тут же вышибло из груди. В глазах сделалось темно и будто светлячки заиграли. А потом просто темно.

В себя она пришла от того, что ее колотило. Плоский камень, на который ее выбросила река, был у самого берега. И там же, у берега, лежал Страж. Лицом вверх. Спокойная здесь вода стояла над ним, глаза были закрыты, стелилась по дну коса с почти распустившейся красной лентой. Еще одна лента, яркая, как рябина, вилась от макушки и таяла. С бока тоже тянуло алым. Рассеченная щека почти не кровила и оттого выглядела страшнее.

Колотясь, оскальзываясь на камнях, Лорка подобралась к элфие и сразу никак не могла решиться прикоснуться, но оставлять его лежать в воде, пусть бы он и не дышал, было не по-людски. Попробовала за плечи приподнять и плюхнулась рядом. Доспех прижимал тело Стража ко дну камнем. Как его снять, она не понимала, а потому, уцепившись почти негнушавшимися пальцами за настывшие от воды пластины дернула. Снова упала, но сдвинула его с места, на две пяди⁴⁶ всего. Голова его лежала теперь на Лоркиных коленях. Рана на лице наполнилась алым, на побелевших губах тоже выступило.

Дальше тащила, как придется, то за руки, то снова хваталась за доспех. Ножны цеплялись за камни, и Лорка руки ободрала, пока расцепила мокрые кожаные ремни. Потом легче пошло. Латная пластина на спине Стража, как салазки проскользила по мокрому песку и отчаянно скрипя на камнях, и элфие целиком оказался на берегу. Коса облепилась песком, лента пропала. Светлая кожа была цвета известки и темные брови и ресницы на сомкнутых веках смотрелись чужими. Какими были бы сейчас наглые презрительные глаза? Зеленые или прозрачно голубые?

⁴⁶ Пядь – древнерусская мера длины изначально равная расстоянию между концами растянутых пальцев руки – большого и указательного, примерно 17,8 см

Разогревшаяся, пока вытаскивала тяжелое безвольное тело из воды, Лорка снова стала мерзнуть. Обхватила себя руками и огляделась. Берег – камни пополам с песком, щелястые скалы, поросшие колючими кустами. Солнце еще не село, но в густой тени прятались сумерки, и холодом веяло, что от камней, что от реки. Одежка мокрая, а впереди ночь, и Страж мертвый. Лорка засомневалась, может было лучше реке его отдать и не на берег тащить, а наоборот, от берега... Как с неотпетым ночевать? Не поднялся бы навью. Может и сказки, а все одно страшно.

Присела клубком рядом с ним, за коленки себя обняла и дрожащими губами прочла прощание. Руку протянула серп над ним начертать и заметила, как на длинной белой шее несмело толкнулась жилка.

– Боже святой! Живой! – Упала на колени и к жилке пальцы прижала. Долго ничего не было, и Лорка подумала уже, что помстилось в сумерках, но вот ткнулось, как кошка носом, и опять пропало.

Как-то летом мальчишки в реке дурачились, один воды нахлебался и синий совсем был, когда его вытащили, так Гринь ему в рот дышал и на грудь давил, и тот заперхал, и вода вся вышла. А Лорка с близняшками тетки Лоны полоскать ходила, вот и видела. Напугались тогда все.

Лорка покосилась на доспех. Элфие на грудь не надавишь, хоть прыгай на нем, а прочее... Или бросить? Уйти, и пусть думают, что нет ее и не было, утонула. В веску вернуться – своим горе, но можно и не возвращаться. Но толкнулось опять под рукой, и выходит, будет она перед Единым убийцей, если уйдет.

Облизала враз пересохшие губы, защемило, видно, ссаднила, когда ее на камень бросило. Первой парня коснуться... Единый, за что испытываешь! И одно грех и второе. Голову тяжелую приподняла, руке в его мокрых волосах сразу липко стало, рана глубокая, на лице алое и с губ тоже дорожку чертит. Оттянула подбородок, как Гринь делал, набрала воздуха полную грудь и, зажмурившись, коснулась саднящими губами других, белых и холодных. Выдохнула. Во рту сразу солоно стало. Нет, сладко... И дрожью пронизало, будто вместо воды Лорка медовухи крепленой глотнула. Но Страж был недвижим, и Лорка вдохнула снова, догадавшись ему нос жать, чтоб воздух не выходил. И снова.

И с каждым разом все труднее было дрожь сдержать, будто и вправду пьяна становилась, а губы горели от попавшей на ранки крови. Она уже отчаялась, и от отчаянья этого глазам сделалось мокро, но тут шея под рукой шевельнулась, перекатился под кожей кадык, дрогнули темные крылья ресниц и на Лорку глянули прозрачные льдинки глаз. Губы шевельнулись.

– Тинт, – как шелест. – А говорила, не нравлюсь.

Закашлялся, на подбородок красное потекло. Лорка отпрянула, шлепнулась на зад и так, на зад, подальше отползла. У элфие взгляд был дикий, как у раненого зверя. Правда, глянул, и словно забыл про нее.

Она и рада была, что страж на нее не смотрел больше. Встал, шипя и ругаясь и к реке пошел. Вытащил ножны с мечом, которые Лорка в воде бросила, кривясь расстегнул доспех, стянул поддоспешник из темной плотной ткани, бросил все на камни и, на колени сев, долго раны промывал, а заодно и косу от песка.

Пока плескался, стемнело почти. Лорка сжалась комком под камнем и дрожала, пряча трясущиеся губы в коленки, обтянутые мокрым сарафаном. Чуни в реке потерялись, остались носки – все не босая, но много они нагреют, когда остальное вымокло. А этому вон все равно, и что холодно и что раненый, хотя уже и не кровило почти. Правда Лорке видно было не очень хорошо, только спину в светлой рубашке и косу, что свисала до земли. Страж на колени у кромки воды стоял и бок разглядывал. Наверное, у нее от холода и волнений в голове мутилось, но казалось, что вода в реке будто светится. Не сильно, как гнилушка, неверным зеленоватым светом. И голубым. Как глаза у элфие.

Вспомнил, что не один. Смотрит, как на козявку, что на рукав села, и не понять, что думает: не то стряхнуть аккуратно, не то раздавить. Встал, поднял меч и поддоспешник, перчатку с когтями надел и пошел к расщелине. У входа встал и оглянулся. Лорка с трудом разогнула занемевшие ноги и следом двинулась. Хотя и страшно с ним, а одной все равно страшнее.

Глава 2

Лорке снилось, будто она в школе и в наказание за провинность выводит на элфиен'риа слова, из которых ее имя сложилось: ллоэй – судьба и риэллэн – предназначение. В классе холодно и сумрачно, стены поросли шипастыми лозами и колючими темными ветвями. Окно тоже завешено ветками, оттого и темно, и светцы не горят. Стоящий напротив Лексен тоже в лозах. Побег торчат из карманов, высовываются из-под полы, оплетают руки и шею, выглядывают из волос.

– Не верно, – говорит Лексен и пальцев Лорки, в которых зажато писало, касается указка. – Назови три основных типа слов в элфиен'риа.

– Слова сути с окончанием на твердь, слова признаки с окончанием на голос, и слова движения, окончание вари... вери... И те, и другие есть. И исключения, – сбиваясь, бормочет Лорка, опускает глаза и видит, что литеры на листе плывут, и она не может понять, где и что не верно.

– Твое имя, Предназначенная судьбой, такое исключение, – указка вновь касается пальцев, и они немеют. Писало скатывается на пол и тонет в прорастающих сквозь пол побегах и листьях.

Лозы, что оплетают Лексена, покрываются бледно-розовыми цветами. Грамотей смотрит поблекшими глазами и продолжает говорить, но его уже не слышно, потому что изо рта прорастает побег и тоже распускается цветком. Беззвучно сыплются розовые лепестки, превращаясь на лету в невесомые хлопья пепла.

– Кайлиен'ти Ллориен, аст лите, – гулко и звонки звучит позади голос брата, и Лорка оборачивается. – Сестра моя Лориен, прошу тебя.

И нет уже ни Лексена, ни парты. Вокруг двор, усеянный пеплом, от дома осталось только крыльцо и ступени. Томаш, поджав одну ногу, прыгает по крыльцу в спальной рубашке и там, где босая ступня касается досок, проступают тускло тлеющие головни, покрытые, как плесенью, белесым налетом.

– Братик, – шепчет Лорка и тянется к его макушке.

Томаш замирает прямо на углях, стоит, не шевелясь и голову на бок склонив, но как только Лоркины пальцы касаются волос, руки немеют от холода, и все рассыпается пеплом. И Томаш, и крыльцо. А из серого растут колючие черные ветви с бледно-розовыми цветами.

– Прощу тебя, – шелестят облетающие цветы голосом брата.

Крик замер в горле, и Лорка подхватила. Прижала выставшие до бесчувствия руки к колотящемуся сердцу. Левую дергало. Под повязанной Томашем на прощание красной нитяной тесемкой рдел ожог. Сердце снова зашло, и тут ее словно водой окатило. Холодные глаза элфие смотрели прямо на нее, словно душу вытянуть хотели.

Страж лежал на подстилке из ветвей и травы на другой стороне маленькой поляны. На боку лежал и, подперев голову рукой, ее, Лорку разглядывал, как диковину какую несуразную или муху в крынке с молоком. На рубашке сбоку расплывалась красным от раны, но элфие словно не чувствовал. Чуть головой качнул, когда Лорка с себя поддоспешник Стражев потянула, слитным движением поднялся и, не шелохнув ни веточки, скрылся среди кустов бузины и ракитника.

Они набрали на полянку, когда уже стемнело совсем. Вернее, Страж набрел, а Лорка следом. Она едва успевала за его широким шагом, но белеющая в темноте рубашка, испятнанная вдоль спины кровью, сочащейся из раны на голове, не давала потеряться. В расщелине Лорка сбила ноги о камни и руки все исцарапала, на влажный сарафан сора нацепляла и замерзла окончательно. Она так стучала зубами, что если навьи и прятались по теням, то поостереглись бы вылезать.

Оказавшись на полянке, элфие веток наломал на лежанку и травой поверх постелил. Для себя. Лорка сама себе ночлег устраивала. Долго возилась, не переставая зубами стучать, а потом в нее элфие одежкой кинул.

– От тебя слишком много шума, тинт, – словно пропел он, откинувшись на своей лежанке и глаза прикрыл.

– Аст аэн, тин элле, – едва не прикусив язык пляшущими зубами, извинилась Лорка и завернулась в плотную, неожиданно сухую и пахнущую травой ткань. Поддоспешник, длинный кафтан, с высокими разрезами по бокам, достающий высокому Стражу до колен, Лорку почти всю укрыв, а если ноги подтянуть, то и всю.

Она едва успела по утренним делам сбегать, как элфие вернулся. Рубашка на нем была мокрая и чистая, рана на лице поджила и почти краями сомкнулась, хотя всего ночь прошла. Лорка бы тоже умылась, ей стало стыдно за свою изгвазданную одежку, обтрепанный по камням подол, косу разлохматившуюся... Сбитые ноги ныли, но поделаться с этим ничего нельзя было, только терпеть.

– Ясного дня, тин элле, – пролепетала Лорка и потупилась под пристальным взглядом. Вот интересно, он сам на зорьке встал или это она его разбудила, когда говорила во сне. Тревожная греза уже и не помнилась почти, только что Томаш был и Лексен, и было страшно, и все в пепле, как дорога к жальнику, и будто цветы сквозь пепел этот росли. Сон прошел, а след под плетеным оберегом остался.

Элфие оружие свое собрал и пошел. Молча. Лорка за ним, как кутенок на привязи. Смотрела на болтающуюся ниже спины кусу и саму спину, боясь отстать, и от того спотыкалась. Идущий впереди Страж веток не придерживал, и ей уже раз сколько по лбу прилетело. Вот же! Как так можно?

Внезапно вновь вышли к реке. В другом месте, не там, где их выбросило. Здесь у берега было совсем спокойно и песочек. Ярилось только на самой стремнине. Страж протянул руку. Лорка догадалась, что он одежку назад требует. Сняла, а этот бесстыжий вдруг из рубашки своей, уже сухой, вывернулся и, в комок смяв, бросил, будто с него убудет нормально подать.

– Приведи себя в порядок и переоденься, посмотреть гадко, – и ушел, на ходу набрасывая поддоспешник.

– Так и не смотри, – буркнула она в ответ, – надо больно.

Сразу спохватилась, вспомнив, что слух у элфие лучше людского, а потом решила, ну и пусть слышит. Она его, считай, от смерти спасла, а он хоть бы спасибо сказал. Вон Верей суровый с виду, а гадостей не говорил, в доме разве, а в дороге – никогда. И их если рядом поставить, то ан'халте взрослым смотрелся, а этот – молодой парень не старше Гриня, да еще и гонорливый, будто девица из города. Что с ними со всеми стало? Пусть бы обошлось. И с Гринем, и с Вереем. Вспомнилось, как Ива на его плечи заглядывалась. Была в медовокосом какая-то неправильность, которая ан'халте от других Стражей отличала.

За этими мыслями Лорка быстренько разделась и прямо голышом в речку плюхнулась. Выскочила почти сразу, колотясь, обтерлась своей рубашкой и Стражеву сухую на себя натянула. Стыдобище – коленки видно, зато ткань плотная, хоть и тонкая, и к телу приятная и так же, как поддоспешник, травой свежей пахнет. Оттерла, как могла, песком и руками свои рубашку с сарафаном, отжала и на камушке разложила. Стыдно было еще и от того, что она в чужой нательной рубашке, пусть и стираной, но чужой же, да еще и мужской в придачу.

Солнце поднялось и стало тепло. Хотелось есть, и чтоб унять разошедшийся живот, Лорка напилась из речки. Вода была вкусная и немного язык щипала, как кровь элфие... Щеки тут же вспыхнули, и вспомнились гладкие губы и кожа, что шелк, под рукой, и холодные наглые глаза, голубые с зеленоватой искрой. Вот как сейчас.

Страж молча стоял в десяти шагах. Захотелось сразу коленки прикрыть и сбежать подальше. Особенно когда подошел и сунул ей в руки кулек из широкого травяного листа, а

сам к камню, где лежал сарафан придвинулся. Шевельнулись губы, и Лорка увидела, как мокрая ткань светлеет, высыхая. Ух ты! Вот так чудо!

– Ешь, – приказал он, – одевайся и пойдем.

В листе оказались белые сладкие корни. А сарафан Лорка натянула прямо поверх Стражевой рубашки, потому что ее рубашку элфие не отдал. Когтистой перчаткой на бинты распустил и сочащийся сукровицей бок себе перевязал.

Через лучину или две, Лорка не могла точно сказать, он прошли границу. Или раздел, какой у тени со светом бывает. В ушах прижало и отпустило. Лорка вскинула глаза – все вокруг: редкий лес, кусты и камни, трава и выглядывающие несмело головки цветов – сделалось другим, словно красок плеснули. Даже небо было ярче, не блекловатая выгоревшая летняя голубизна, а отчаянная весенняя синь.

Элфие замер, а потом вдохнул глубоко и сладко, будто до этого не дышал вовсе. Из рукава на запястье Стража соскользнул витой браслет, задержался, сам собой разомкнулся, и быть бы ему в траве, но элфие ловко прикрасу мизинцем отловил, хмыкнул, разглядывая и в карман штанов сунул. Плечи развернулись, словно ноша с этих плеч свалилась, качнулся на ремнях в узорчатых ножнах грозный меч.

Не меч, мысленно поправила себя Лорка, скааш, скае аше⁴⁷, младший брат.

⁴⁷ Скае аше; скае – брат, близкий по крови родственник-мужчина, аше – младший.

Глава 3

Дальше шли вдоль реки. Элфие шагал как заведенный, и Лорка к вечеру так вымоталась, что едва нашла в себе силы, чтоб лежанку соорудить, на которую упала кулем. Ноги гудели, дергало сбитые пальцы, болела пятка – в кустах на шип наступила. Из еды за весь день досталось немного переспевшей малины, которой по пути надергала. А когда Страж с его обычной брезгливо-равнодушной миной ей тех белых корней предложил, даже смотреть не стала. Веки смежились, и Лорка уснула, как в яму провалилась.

Проснулась от песни. Была глубокая ночь, густая и синяя. Луна пряталась, пробиваясь из-за облаков бледным, едва различимым пятном, но вокруг разливался свет. Неяркий, призрачный, зыбкий. И песня эта, похожая на шелест воды, была такой же. Лорка приподнялась осторожненько и потянулась за звуком. Из-под ног вспархивали мелкие светящиеся мошки, роились вокруг, и Лорка шла, словно в облаке света. Может это сон?

Река была как на ладони. Берег здесь приподнимался, и травяной край обрывчиком выступал над узкой полоской песка, не высоко, Лорке где-то до колен. На краю она и остановилась.

Элфие в одних штанах сидел на плоском камне, сложив босые ноги кренделем, руки были приподняты ладонями вверх. Словно отлитая из серебра коса стекала между лопаток, кончик, связанный тесемкой от Лоркиной рубашки покачивался на дне. Страж пел, а река ему отзывалась. Вода вокруг камня сияла серебром, будто этот свет с косы натек. Искорки разбегались дальше, играя в мелкой ряби, как светляки над головой, только Лоркины будто от солнца родились или от живого огня, а те, что в воде и вокруг Стража, – от луны.

Голос стал громче, и в груди заныло, так это было красиво. Вода потянулась вверх тонкими нитями, как лоза, льнула, ласкаясь к рукам Стража, обнимала его босые ноги, взбиралась по косе и чертила на голой спине узоры серебром, такие же дивные, как песня без слов, что слышала Лорка. Каждая жилочка в ней сейчас дрожала, откликаясь на его голос, и больно становилось дышать. А элфие тянул переливчатые звуки, и водяные лозы в его руках превращались в цветы и птиц, разлетались бабочками, сыплющими с прозрачных крыльев лунный свет. Воздух звенел струнами ветвей и травы, сплетал звуки с посветлевшими тенями и путался в Лоркиных волосах, легонько касаясь мокрых щек.

– Как твое имя, тинт? – вдруг спросил элфие, прерывая песню.

Вода вокруг камня вздымалась и опадала кольцами, поднималась спиралью капель вверх, пока не распадалась серебряными искрами. Страж смотрел, обернувшись через плечо, в глазах плескалось серебро с прозеленью, теплой, как солнце сквозь листву.

– Лорка – начала она и запнулась, собственный голос показался ей вороньим карканьем после песни Стража, но она все же ответила. – Лориен. Меня называли Лориен.

– Ллориен, Предназначенная, – мелодично повторил Страж и рассмеялся, а по воде разбежались блики, как солнечные зайчики в хрустальных бусах. – Ты больше похожа на Ллорети, ллоэй эре'ти⁴⁸. Мое наказание.

И снова рассмеялся. Вода вторила, отзываясь каскадом брызг, водяная пыль дохнула ей в лицо, распугав светлячков.

– А как зовут тебя, тин элле? – заморгав от попавшей в глаза воды, решила спросить Лорка.

– Мое имя Эйт'селейн, – продолжал улыбаться элфие, пуская по воде сверкающие цветы, похожие на кувшинки. Затем поднялся. Теперь он стоял рядом с камнем, растрепавшиеся

⁴⁸ Ллоэй эре'ти – дословно мое неизбежное наказание; ллоэй – судьба, эре – кара, ти – частица со значением принадлежности.

волосы вились вокруг лица, хотя ветра не было, коса лежала на плече, а водяной язык, похожий на узкую головку выдры, тыкался в отставленную ладонь, словно напрашивался на ласку.

– Это не твое имя, – осмелев окончательно, сказала Лорка. Ей было стыдно и одновременно приятно смотреть на голую грудь Стража и плоский гладкий живот, на котором, так же как до этого на спине, то вспыхивали, то гасли узоры серебром. А раны на боку больше не было, затянулась, не оставив даже шрама. И на лице тоже. Ни следа.

– Почему не мое?

– Не знаю... Не твое, я так... *слышу*.

– Занятно, – протянул элфие и голову на бок склонил, улыбнулся. Эта холодная улыбка не вязалась с глазами, словно в теле Стража две разных души жили. И сейчас именно та, вторая, у которой глаза были прозрачные и синие, улыбалась. Лорке стало не по себе, захотелось уйти, но Страж снова заговорил, и она осталась.

– А это *слышишь*? – спросил он, голос его сделался низким и щекотным.

– Что? – прошептала Лорка, замирая мышонком.

– Это, – сказал элфие и губами шевельнул.

Мурашки прошлись по лопаткам, замерло сердце, и в ушах тонко зазвенело.

– Подойди, – беззвучно говорил Страж, и Лорка это всей кожей. Шагнула, не глядя, с травяного выступа вниз на песок, к сверкающей кромке воды.

Упала бы, но под ногой встала упругая водяная ступенька и еще одна, потом Лорку дернуло, и она оказалась на камне. Теперь она была вровень с тин элле и видела прямо перед собой странные его глаза, шальные, будто он медовухи перебрал.

Что-то коснулось щиколоток. Лорка ойкнула и пошатнулась, но ее поддержали. Не Страж – он стоял, спрятав руки за спиной. Вода. Элфие улыбался, чуть прищурившись, а теплая водяная лента скользила по Лоркиным ногам и выше, обволакивая тело, но оставляя сухой одежду. Перестала саднить исцарапанная кожа, из ног уходила тряская усталость, больше не ныла проколота пятка. Рассыпалась прядками коса и сплелась снова. Лорка чувала, как копошатся в волосах водяные струйки, словно ловкие пальцы. Ладонки защекотало, и она подняла руки, чтобы посмотреть – их, словно сироп, обволакивала водяная пленка. Выровнялся сбитый когда-то кривоватый ноготь, пропали заусенцы, разгладился старый шрам на ладони.

Заплетала волосы на заре,

Уходила с тайною на устах,

Уносила в сердце своем тоску

Что дано нам видеться по ночам...

Едва слышный сквозь шелест воды голос читающего нараспев Стража был похож на ветер, блуждающий в верхушках деревьев и от него, как от того щекотного звука, звенело в ушах и нестерпимо захотелось прикоснуться к бледному лицу напротив. Лорка протянула руку, и тут в глазах элфие побилась ледяная синь.

– Довольно, – сказал он, махнул ладонью перед лицом. Она почувствовала, как подогнулись коленки, подумала: «Расшибусь», а дальше была мягкая обволакивающая темнота и голос, который она слышала кожей.

Часть 6. Аст'кае / Долг

Кого наставления не берут – того ... со двора прогнать. Уложения Хранителей

Глава 1

Прав был Верей, когда предостерегал от спонтанного выбора имен. Играя с судьбой, никому не дано угадать, как отзовется задетая тобой струна. Не угадал и он. Прихоть обернулась долгом. Аст'кае фиел – Долг жизни. «Первый всегда у матери и будет прощен, второй у отца и будет отдан, когда родишь сына, третий не бери или не будешь свободен, пока не заплатишь тем же». В «Наставлениях юных» о Долге жизни только эти три строки, и их достаточно. Но нет ничего хуже, связать себя подобным обязательством случайно. А он, Таэрен'тиэнле'аше тен'Тьерт, младший наследник дома Терновника, это сделал. И с кем! С девчонкой тинт, едва вышедшей из детского возраста! Ллориен... Вот уж действительно – предназначение. Единный создал эту мошку исключительное ему в наказание, не иначе. Или это Верей напроорочил? Ментальные маги могут предсказывать? Они ближе всего к прорицателям. Нет, Верей не чистокровный, так что вряд ли.

Что с ним стало? Он ехал вначале колонны, когда Элефи Таре, Дети Сумерек, напали. Впрочем, не только они. Таэрен руку бы отдал за то, что среди сумеречных было несколько изгнанников тен'инне⁴⁹, которых всегда легко узнать по вытравленному гербу на доспехах и рунному знаку из живого серебра на левом виске. В людских городах тен'инне носят длинную косую челку, чтобы прятать позорное клеймо. Несмотря на запреты, они часто берут в жены тинт, увеличивая число полукровок, что особенно опасно, если родившийся эльфяр получает магический дар. Верей – исключение, отец-эльфие признал его право на жизнь, иначе наложице-тинт не позволили бы выносить ребенка. Потом ему просто повезло: когда проявился достаточно редкий для эльфие дар, полукровку стали учить.

Напали как по учебнику, на изгибе тропы. Заняли проход к небольшому плато, где всегда устраивались стоянки и, чтобы рассеять внимание, устроили обвал. Камни склона над тропой крепили заклинаниями, которые ежегодно подновляются, значит, среди них был сильный маг земли, или даже не один. У сумеречных, элтарé, магов земли всегда рождается больше, чем прочих. Что вообще происходит? Сначала бессмысленное нападение на торговый обоз, теперь стычка у самой границы. И если обоз на совести тинт, в основном, то инцидент на тропе – прямая провокация. А было так спокойно последние полсотни лет.

На нем снова был блокиратор. Мгновение эйфории, которое тиэнле ощутил при пересечении границы, не шло ни в какое сравнение с тем, что он почувствовал, когда растянулся браслет. Это было как удар, от которого в голове мутится. Сила обрушилась потоком, и он едва с собой совладал. Первые мгновения самые сложные, так он считал, глупец. Держался и весь день, словно дышал полной грудью после удушливого пыльного мешка на голове, который резко сдернули. А ночью сорвался. Если бы не река и близость к Истоку, он мог бы справиться, и к моменту встречи с отцом был бы вполне уравновешен и спокоен.

А река *позвала*. Не пойти было все равно, что противиться собственной сути. Зря сразу браслет не одел, вышло бы не так... феерично. Таэрен весьма смутно помнил, что там происходило. Сначала он пел, он давно уже не пел с водой, год – это долго без полного слияния со своей стихией. Чаровал, было легко и свободно, и от этой легкости голову снесло окончательно. Появление тинт, Лориэн, он помнил хорошо. Она стояла в облаке светлячков и выглядела совершенно inferнально. Мельтешащиеся мошки отражались золотыми искрами в ее странного цвета глазах. Она почти не дышала, и щеки были мокрыми. Слушала, как он пел. *Слышала*, как он пел.

⁴⁹ *Тен'инне* – лишенный рода, изгнанник; виновный в преступлении против рода, осознанном убийстве сородича (исключая долг крови – узаконенную месть), совершивший насилие над женщиной.

Это печать Долга? Окунулась в поток воды из Истока, пока их река швыряла? Или причина в тех крохах его крови, что попали к ней, пока она с ним на берегу возилась. Другая бы бросила. Мог бы и сам очнуться. Или нет? Скорее нет, раз печать проявляется. Таэрен чувствовал ее, как муравьиный укус: забудешь – ничего, только вспомни – сразу зудеть начинает. Вот как сейчас.

Память подсунула очередной обрывок, и тиэнле едва сдержал стон. Он ей стихи читал! О, Единый и Хранители! Какое счастье, что наткнулся на блокиратор в кармане, могло бы еще и не то случиться. Кажется, еще «восстановление» пел, но это ладно, это укладывается в рамки Долга. Любопытно будет на эффект взглянуть, тинт так активно отзывается на его магию, что тут явно нечто большее, чем просто печать и пара капель крови, да еще и без ритуала. Потомок одного из эльфар? Вероятность есть. Одно имя чего стоит. А имя всегда дает та, кто дает жизнь. Кем была твоя мать, девочка?

Тинт завозилась во сне. Забавная. Или он просто начал к ней привыкать. Или, опять же, печать Долга почти закрепилась. Таэрен взгляделся в сопящую девушку. Кого она звала в том вчерашнем сне? Он тогда проснулся и, несмотря на браслет, уловил слабую родовую магию. Несуразное несбалансированное плетение, словно младенец силу вкладывал, было звенело в нитяном обереге. Наверняка воздействие было сильнее, чем он мог *услышать*, – у тинт тогда остался ожог. Странно? Может, и нет. Судя по тому, сколько времени прошло, каратели как раз должны были навестить деревню. Каан даэро, время возмездия. Люди убивают людей, иногда элфие убивают своих, случается. Или вот как с наблюдающим из дома Шиповника, погибшим от рук тинт. Каратели всегда из людей, а для элфие есть Темные стражи. Как ни назови, итог один – смерть, конец существования, приходящий в зыбкий час перед рассветом, самый темный.

Таэрен почти всегда успевал проснуться до. До рассвета, до часа своего рождения, до того, как придет тьма.

Он не мог этого помнить, но ему рассказали. Он едва не погиб при появлении на свет и едва не погубил мать. Слишком сильной связью с Истоком наделили его Хранители. Бессменный целитель дома Терновника Хиланлен тен'Айви⁵⁰, родной брат матери, одел браслет из живого серебра на ручку младенца еще до того, как перерезал пуповину, и тем спас обоих. Видно, не зря целитель носил имя Рассветный Страж⁵¹. Сияющая, потерявшая сознание во время родов, пришла в себя сразу, а с безымянным пока младшим наследником пришлось повозиться.

Через девять дней после рождения ему дали имя Таэрен, Прерванная Смерть. Мать была в горячке, ее сознание мутилось, но слово было сказано и услышано. Отец тогда впервые за пару сотен лет вышел из себя на глазах у присутствующих. Заздравный ритуальный кубок из литого почерневшего серебра, такой старый, что гравировка почти не читалась под слоем патины, смялся в его руке, как лист бумаги, густое гранатовое вино украсило парадные одежды Светоча красными, словно кровавыми потеками. Свеженареченный младший наследник во все горло заявил о своем несогласии с существующим порядком. А возможно, просто пеленки отсырели. Няньки тут же утащили младенца. На лице Светоча пятнами проступал румянец гнева и бессилия. Под ошалевшими взглядами притихших придворных венценосный попинал случившуюся рядом мебель, выдохнул и помог жене добраться до ее покоев.

⁵⁰ Хиланлен тен'Айви – Хиланлен из дома Плюща.

⁵¹ Рассветный Страж – Хиланлен, хилан – рассвет, иллен – страж, хранитель.

Глава 2

Впервые браслет-блокиратор разомкнули, когда Таэрену было пять, и он уже вполне уверенно ходил и говорил. И тут же надели снова. Тьейш⁵², Заноза, как называл младшего брата Илленвел, захотел пить. Последствия устраняли несколько магов и отряд слуг с тряпками и ведрами. Затем попытки повторялись раз в год примерно с тем же результатом. Картина была безрадостная: если до первого совершеннолетия наследник не научится держать силу под контролем, ему грозила полная блокировка и неизбежное угасание. Светоч мрачнел, свет магической науки Земель чесал многомудрые головы, целитель разводил руками. Выход нашла пожилая нянька-тинт, возившаяся с младшим отпрыском венценосного с самого рождения. Для забав, игр и развлечений были другие няньки, рангом повыше и правильного происхождения, а она так, одежду сменить, накормить, искупать. Вот во время купания женщина и заметила, как ребенок в воде успокаивается и даже поет. Одной подруге рассказала, та другой, кто-то с хозяйкой поделился. Так до ушей Светоча и дошло. Не быстро. Нянька уже давно по людским меркам покинула мир, а слово осталось.

Браслет сняли. Это Таэрен уже помнил сам. Как стоял в чаше Истока, а сверкающие капли пели над ним на языке мира и силы. Ему было пятнадцать, он только вчера познакомился со своим знаменитым дедом, легендарным воином и полководцем Эльдаэром тен'Тьерт. У знаменитого родственника имя тоже было из ряда вон. Эльдаэр, Дитя Возмездия, родился в походной палатке после очередной приграничной стычки с сумеречными элтаре у матери-воительницы. Да, раньше встречались среди дев элфие те, кто владел мечом или луком не хуже мужчин. Таэрен пожирал глазами воспетый в песнях и балладах дедов скааш, старший брат, впрочем, тоже. Эльдаэр подозвал младшего наследника и вполголоса, чтоб слышал только он, сказал, что если тот выучится и перестанет носить побрякушки, как девчонка, то получит меч на совершеннолетие. Артефакт-блокиратор Таэрену больше не надевали, до того позорного приема и наказания год назад.

Фактически, наказание и публичное надевание артефакта он получил не столько за то, что сделал, а за то, что ввязался в полемику с отцом, который, к слову, самого Таэрена старше в десять раз. Стоило хотя бы его опыт учсть.

Тиэнле проиграл в сферы желание, а балда Кайтвиен⁵³ загадал увидеть, как Чаша Скорби в храме Хранителей заполнится водой. Она и заполнилась. И Таэрен эту скорбь прочувствовал как никто. К слову, если бы не молодое ягодное вино, а вернее, его количество, вряд ли бы младший наследник вообще в сферы сел играть, особенно с таким пройдохой, как Кайтвиен тен'Шайти. Дом Клевера разводил лучших в Землях лошадей, и если вы встретили азартного элфие, он без сомнения будет тен'Шайти.

Время для шалости выбрали удачное. После заката храм пустовал, и Сад застывших слез⁵⁴ тоже. Таэрен с приятелем пробрались между чуть светящимися белыми мраморными изваяниями почивших элфие, спокойно вошли в храм, а потом и в ритуальный зал. Чаша скорби была в нише, скрытая каменными крыльями Хранителей. Светлая, Ана, смотрела с укором, темный, Янэ, словно подначивал, и обе рогатые драконьи головы вид имели весьма выразительный. А возможно, это все то же трижды клятое ягодное вино, потому что откуда на каменных мордах возьмется выражение. Утешив себя и мысленно заверив, что каким бы ни было обещание, его нужно выполнять, Таэрен легко преодолел хлипкую храмовую защиту, нащупал магией рычаги скрытого в стене поворотного механизма, и крылья статуй, белое и

⁵² Тьейш – дословно маленькая заноза; тье – шип, айше – маленький.

⁵³ Кайтвиен – дословно первое слово; кайте – первый, виен – слово.

⁵⁴ Сад застывших слез – Майр'маэ'лн фиеналь (майр – застыть, окаменеть; маэ'лн – слеза, капля; фиеналь – сад, парк).

черное, распахнулись. Чаша из темно-зеленого малахита с золотистыми прожилками выехала из ниши и встала на место. Таэрен поместился бы в ней целиком и еще бы место осталось.

– Давай тиэнле, окропи сосуд живительной влагой! – подначил Кайтвиен и рассмеялся так, словно не о воде говорил, а о других жидкостях, о которых в храме даже думать не пристало.

Таэрен и наполнил. А в придачу к чаше все имеющиеся в пределах территории Эйсти Тиэн сосуды, включая водостоки, светильники и сапоги. Даже когда у него самого в сапогах захлюпало, тиэнле еще не понял, чем ему это грозит. Тогда весело было. А зря. Потому, что Светоч принимал отчет глав домов в Зале церемоний и мероприятие затянулось.

Отец сам проследил, чтобы младший наследник устранил последствия и лично извинился перед каждым. А до того с таким же нейтральным выражением лица швырнул в него «трезвостью», едва Таэрен появился в дверях пиршественного зала, куда главы семей отправились после обсуждения дел слегка поскрипывая влажными голенищами. С обувью Светлые справились сами, а уязвленной гордостью пришлось заняться Таэрену, и уже потом, после ужина, под равнодушным взглядом отца и с гудящей головой избавляться от воды в непредназначенных для жидкости местах.

Рано утром Светоч опять изъявил желание встретится. В храме.

– Ты давно не радовал меня, сын, – произнес владыка Земель Элефи Халле.

Таэрен стоял прямо перед ним, но взгляд отца был устремлен на фреску, изображающую явление Единого в пламени Хранителей. Пауза затягивалась, тиэнле молчал. Светоч умел и любил строить фразы так, что любое слово, сказанное после, будет выглядеть либо упреком, либо оправданием.

– Ты извинишься перед главами семей завтра на приеме. Публично.

– Разве я не сделал этого вчера?

– Вчера пострадало только их самолюбие, а нужно, чтобы пострадало и твое, иначе урок не будет усвоен, – продолжил отец. – Сама по себе шалость не зло, хоть и не благо. Но ты допустил несколько неприемлемых ошибок. Ты был пьян и потому вел себя недопустимо для своего статуса, ты потерял контроль над силой, ты осквернил священное место. В храмах Элефи Халле Чаши скорби касается только вода Истока и никакая другая. В храмах тинт только сок дерева фьемаэль⁵⁵.

– Какое нам дело до храмов тинт, – отозвался Таэрен, – они вольны придумывать себе какие угодно обычаи, пока выполняют, что должно.

– Свет и Явь едины для этого мира так же, как Уложения Хранителей, – холодно продолжил Светоч и поморщился, то ли от дерзости и необразованности сына, то ли просто венец жал. – Кого наставления не берут, того со двора прогнать.

– К чему цитата?

– Это твое наказание за пренебрежение обычаями. Ты отправишься в Ллоэтин на год, вместе с ан`халте Вереем, он как твой ката⁵⁶, тоже наказан. Он заменит следящего в Службе Порядка и Надзора, а ты поучишься уважению.

– Ты говорил еще об одной ошибке, Светоч.

– Все верно. После того, как ты принесешь извинения, на тебя наденут блок-артефакт из живого серебра с дополнительным запретом использовать магию в присутствии тинт, ровно на год. Я не стану говорить с тобой, пока наказание не будет исполнено в должной мере. И надеюсь, что спустя год, ты все же сможешь меня порадовать. Свет и Явь, тиэтле`аше.

– Свет и Явь, отец мой, – отозвался Таэрен и поклонился вслед уходящему родителю.

⁵⁵ Фьемаэль – береза.

⁵⁶ Ката – наставник, ментор.

Внезапно ему пришло в голову, что с момента первого совершеннолетия, когда элфие официально перестают считаться детьми, Светоч ни разу не назвал его по имени. Брата называл, а его – нет.

Часть 7. Райвеллин / Умиротворение

Если же ни в чем не повинен ты, уже за это ... получишь награду. Уложения Хранителей

Глава 1

В Райвеллин нельзя войти постепенно. Он отрывается вдруг и сразу, искрящийся в водяной пыли, сияющий лентами радуг, звонкий, как капель. И все его белые башни, воздушные мосты и изящные арки, ручьи и водопады, поющие между камней и цветов, солнечные блики, играющие в витражах, и цепляющиеся за тонкие шпили башен облака, обрушиваются на тебя внезапно. Вот ты еще в лесу у реки, а через мгновение – он, Райвеллин.

За спиной ошеломленно выдохнула тинт. Таэрен стоял у низкого бортика, обрамлявшего скальный выступ. Он позволил себе пару мгновений любования, но увлекся. Не думал, что станет скучать по дому. Река бежала вниз, кольцом охватывая город, а за ним, скрытое от глаз, билось сердце Земель Элефи Халле – Исток. Воды его вливались в реку и несли энергию жизни дальше, постепенно слабея и затухая. Здесь же, вблизи, жизнью было напоено все. Даже воздух казался слаще.

Мгновение радости от возвращения было омрачено неизбежной встречей с отцом. И надо узнать о судьбе ан'халте и остальных. Фактически главным в отряде был Верей, но в случае гибели кого-нибудь из сопровождавших именно Таэрену, как старшему по статусу, надлежало принести семье траурный шнур. Хотя, несколько дней прошло, наверняка без него обошлись.

Зашуршало позади. Тинт пробралась поближе к краю и восторженно распахнутыми глазами смотрела на Райвеллин. Она выглядела нелепо в своем потрепанном платье поверх его рубашки. Из-под подола выглядывали маленькие ступни в сплетенных из травы чуть великоватых сандалиях. Времени перед рассветом было много, а в крови еще гуляли отголоски магического опьянения. Тинт спала, из прохудившегося носка выглянул розовый пальчик. Он тогда еще подумал, что все это время она шла практически босиком и молчала. Руки сами собой потянулись к гибким травяным стеблям. Детское баловство и немного магии, все равно нужно было сбросить излишек. Печать вынуждала заботиться, пока ненавязчиво, что будет, если девочка заболеет? Тинт не слишком вынослива, хотя эта его удивила. Принуждение... Его Таэрен не любил больше, чем людей.

С размером он не угадал. Ступни оказались маленькими, как у ребенка или юной элфие. Версия с возможными предками из его народа получила очередное подтверждение. И магия. Лориэн удивительно хорошо отозвалась на «восстановление». Волосы редкого оттенка опавшей листвы блестели, выровнялась и налилась светом кожа, практически пропали веснушки. Тинт была красива. Еще тогда, у реки, в мокрой одежде и горящими от смущения щеками. И теперь тоже. Таэрену нравились красивые вещи, на которые можно долго смотреть. Которых хочется коснуться. Он оставил сандалии рядом с ней и ушел к реке. Холодная вода – то, что нужно, чтобы восстановить равновесие.

Он бы и теперь не отказался от ее отрезвляющего действия. Эйфория полного ощущения силы все еще накатывала. И это при том, что на нем был блокиратор. Перед входом во дворец Светоча его придется снять и явить всем истинную безмятежность. А какая может быть безмятежность, когда перед тобой уставленный яствами стол после года впроголодь.

Таэрен вызвал в памяти раннее утро и светлую незамысловатую радость тинт при виде сандалий, и как эта радость пропала, словно робкий огонек, погасший от случайного сквозняка, когда он, найдя у реки свое самообладание, велел отправляться дальше. «Не поддавайся излишней радости, не познаешь печали от ее утраты». «Наставления юным», глава о безмятежности. Очень к месту. Таэрен встряхнул рукой, и браслет сам скатился на запястье. Время вышло и плетение отца, сильнейшего из живущих магов-артефакторов, больше не удерживало живое серебро на коже. Теперь им мог пользоваться и настраивать любой. Ожидаемо нахлынуло ощущение беспричинного счастья, но было погребено под сводами правил, которые млад-

ший наследник принялся повторять про себя, чтобы избавиться от ненужных эмоций. Теперь вниз по тропе. Домой.

В город вошли, как говорят у людей, «огородами». По сторонам улочки прятались среди зелени небольшие домики незнатных элфие. Чтобы не вызывать лишнее любопытство своим странным внешним видом, тиэнле набросил «отвлечение», сначала на себя, а потом после того, как на них с интересом уставилась очередная пара глаз, и на тинт тоже. Болван. Даже он в своем теперешнем виде вызвал бы меньше внимания, чем оборванка, восхищенно глазающая по сторонам. Хорошо хоть рот не открыла.

Перед входом на территорию дворца Светоча, отводящий взгляды морок пришлось сбросить, иначе охранные чары на входе не пропустили бы его. О том, что нужно сделать для девчонки метку временного посетителя, он подумал только, когда она прошла вслед за ним. Рядом тут же возникли двое стражей с обнаженным оружием. Длинные лезвия скаашей лежали на плечах Таэрена по обе стороны от шеи подобно ножницам. Тинт сжалась комком, сделавшись еще меньше, чем была, и юркнула ему за спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.